

АНТОН КУЧЕВСКИЙ

Королева гоблинов

Антон Кучевский

Королева гоблинов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24258174

ISBN 9785448526336

Аннотация

Спасение любого человека – задача не из легких. А если пропал король, уехавший на поиски деvy необыкновенной красоты, и спасателями внезапно нанимаются пираты, которым пообещали серьезную награду? Роман рассказывает о жизни и начале карьеры своевольной авантюристки Тави, рожденной под небом мира Кихча, которой жизнь раз за разом преподносит сюрпризы, порой приятные, а иногда и наоборот. Возможно, пропавшего государя нашли бы сразу и быстро вернулись обратно... Вот только о любви речь не идет!

Содержание

Глава 1. Моряки и грабители	7
Глава 2. Ревизии и реквизиции	30
Глава 3. Прощание с домом	50
Глава 4. Вниз по течению	69
Глава 5. В океане	89
Глава 6. Практическое руководство для начинающего морского разбойника	108
Глава 7. Заговор во спасение	129
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Королева гоблинов

Антон Кучевский

Иллюстратор Антон Кучевский

© Антон Кучевский, 2017

© Антон Кучевский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2633-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Географическая карта мира Кихча

Политическая карта мира Кихча

Глава 1. Моряки и грабители

Даже при самой тщательной подготовке, даже если предусмотреть любую неурядицу и придумать отдельный план на каждое осложнение, в дело обязательно вмешаются те силы, появление которых наш разум никак не мог предвидеть. В таком деле важно, чтобы на твоей стороне была фортуна, поскольку без определенной толики удачливости в бурю, ошибочно называемую бытием, не выстоять.

Каждый, будь он человеком, саррусом, мардом или йрваем, всю жизнь коллекционирует камни. Булыжник к булыжнику, скрепляя пожеванной нитью воспоминаний, с юного возраста начинает строить башню. Такое архитектурное произведение состоит, прежде всего, из наших навыков и умений — чем больше сил ты вложишь, тем выше получит-

ся результат. Ее нельзя увидеть, однако можно забраться на самый верх и посмотреть: а много ли других башен вокруг. Бесконечная гонка сил, знаний, настойчивости и труда. И малая крупица удачи, куда же без нее, как бы ни отрицали высокоинтеллектуальные личности само существование понятия «удача».

Когда я первый раз услышала приведенные философские сентенции из уст моего отца, я, в общем-то, не слишком уделяла им внимание. Мне только исполнилось шесть лет! И, к тому же, я ревела, обиженная на несправедливость мира, поскольку мою пирамиду из уличных камешков разрушил какой-то сорванец с соседней улицы.

Мне прочитали лекцию, которая ничуть не успокоила плачущее дитя, затем подошла мама, взяла меня на руки и, укоризненно поглядывая на папу, унесла в дом. Отец был хорошим человеком, но, сталкиваясь с детской обидой, терялся и совершенно не знал, как себя вести. Но слова о башне я запомнила, чего уж там.

Гораздо позже я сделала и необходимые расчеты, позволяющие выяснить, что в течение жизни можно не только строить свое, но и разрушать чужое. Таким образом, шансы посмотреть на мир свысока увеличивались вдвое, а то и больше. Да, я была амбициозным ребенком, и, боюсь, им где-то и осталась. Но никто и никогда не пытался «воспитать меня должным образом», несмотря на все протесты часто меняющихся гувернанток, одинаковых, как соленые, горькие мор-

ские брызги.

Я рано научилась драться, лет в десять. После нескольких расквашенных физиономий отец, твердо решивший, что лучший родительский выбор – помогать развиваться всем проявляющимся талантам, отдал меня на муштру к старому знакомому, Айви Столтрису. Седовласый импозантный господин с пушистыми моржовыми усами некогда гонял и самого Рихарда Шнапса, что уж говорить про его дочь-полукровку. Вначале владению мечом, копьем и прочими предметами для нанесения урона живым существам меня обучали подмастерья, затем, спустя два года, за дело взялся сам мастер – и преуспел. В четырнадцать я одолела в поединке папу, и Тэйме долго над ним подшучивала по данному поводу.

Раз уж упомянула про полукровку... рано или поздно стоило рассказать о выразительной, хоть и не главной части моего «я». Я – наполовину человек, наполовину йрвай. Так получилось, хоть всех подробностей и не знаю. Благодаря странному брачному союзу я обладаю на редкость отталкивающей внешностью – серая кожа, малоподвижные, покрытые с внешней стороны короткой черной шерстью, остроконечные длинные уши, торчащие не вверх, как у йрваев, а в стороны, желтые глаза с большими зрачками, широкий тонкогубый рот на почти человеческом лице. Дальше – больше. Немного вздернутый нос с узкими крыльями, торчащие из рта клыки, два сверху, два снизу, остальные зубы тоже ост-

рые, но помельче, выступающие скулы.

Мне повезло с одной вещью. Телосложение. Когда отец ездил в Теджусс, он умудрился вляпаться в древний и загадочный артефакт, который мастер Алатор Схименц именует Вратами Инверсии. Врата случайным образом меняют что-то в организме существа, попавшего в них, на противоположное, руководствуясь весьма странной осью симметрии. Так вот, папа, судя по всему, передал мне перевернутые вверх тормашками родственные качества. И он, и мама – низкорослые, а я – пожарная каланча, полвершка не дотягиваю до двух метров. У него русые волосы, шерсть матери – бледно-песочного цвета, а я и тут урод. Длинные черные волосы на голове, короткая черная шерсть на ушах, от шеи до лопаток и на тыльной стороне ладоней.

Конечно, в связи с экстраординарной внешностью у меня намечались проблемы. Обиды-травмы, детская озлобленность, прочее, прочее. И тогда родители заплатили огромную сумму денег Коллегии (о размерах суммы мне так и не сказали, ограничиваясь туманными намеками), чтобы уважаемые маги составили заклинание долговременной иллюзии. И они действительно оказались достаточно могущественны для того, чтобы я ничем не отличалась от других детей вплоть до пятнадцати лет.

Как только я смогла адекватно мыслить, простила родителей их недалёковидность и межрасовый брак. Обожаю их. Все эти разговоры... «Рих, купи ей меч», «Зачем?», «Та-

ви хочет заняться фехтованием», «Я договорюсь с цехом Стальтварта, сделают несколько тренировочных и боевой». «Тэйме, она опять подралась с сыном лорда Холлингтона», «Кто победил?», «Глупый вопрос. Девочки быстрее растут, конечно, Матави победила», «Вот и молодец». «Пап, а я научусь колдовать?», «Конечно, Тави».

Я слышала слово «нет» часто – но только тогда, когда в нем действительно возникала надобность. Я не видела родительских ссор, за что безмерно им благодарна. Да, избалованность маячила на горизонте фантомным замком, но окончательно изнеженной девочкой-аристократкой я так и не стала. Вполне возможно, причиной тому отражение в зеркале – иллюзия не работала на носителя, таков один из основных принципов волшебства миражей, личин и обманных образов.

И какая огромная благодарность неведомым Вратам! У меня, как оказалось, имелась Искра, которая напрочь отсутствовала у родителей – единственное условие для того, чтобы овладеть магией. Также, от мамы мне достался не только размер ушей, но и, частично, ее великолепная память. Поэтому в пятнадцать лет для меня не осталось никаких препятствий, чтоб поступить в Телмьюнскую Академию магов, которой, в свою очередь, покровительствовала Коллегия – сильнейшее объединение могущественных чародеев по обе стороны океана.

Таким образом, Матави Шнапс (это я) в девятнадцать лет

сдала последний экзамен и вольной птицей вышла из стен Коллегиальной Академии, имея за пазухой кучу бумаг, подтверждающих, что я являюсь целителем, иллюзионистом, трансформологом, стихийным магом, владею Защитным Кодексом. Кроме того, я прошла необходимый курс аналитики языка Древних, позволяющий не только творить известные заклинания, но и расшифровывать из старинных текстов новые путем тщательного подбора комбинаций слогов, звуков и пассивов. В общем, прямая дорога в императорскую охрану или в Тайную Канцелярию... имелось, правда, одно «но».

С возрастом мне понравилось не только строить свои замки, но и разрушать чужие.

Нет, серьезно. Все высшее руководство, политические интриги, торговля построены на обмане с целью разрушить чужую башню. Прямо детская игра в «борьбу империй», где надо либо занять «крепость», либо украсть с нее флаг. Либо сжечь его. Ощущаете, да? Игра детская, а название-то не особо. Суть тоже. Говорят, она пришла в Грайрув из Ургахада, извечного политического соперника, где с колыбели дают понять, что ты – не только существо разумное, мыслящее, но и часть огромного вооруженного кулака. Хотя о шестнадцати ургахадских бригадах и так всем известно, ничего нового я не поведаю.

Должна ли я смиренно строить и ждать, пока выросшему сорванцу, ныне какому-нибудь крупному землевладельцу захочется снести плод трудов моих просто потому, что он за-

слоняет ему вид? К черту. На курсе «Магических традиций» мне подробно объяснили, кто такой черт и зачем он нужен, так что, да-да, именно к нему это все.

Для осуществления задуманного мне требовались несколько вещей, список которых я заранее составила и спрятала в саду, поскольку и без него все прекрасно помнила. Вопрос, зачем тогда список? Чтоб откопать его и со спокойным сердцем повычеркивать пункты.

Мне всего-то нужен был... корабль¹. И верные люди.

Да, то самое чувство, когда человек... ну, или кто бы то ни был долго рассказывает о том, какой он неизбалованный и скромный, а потом – нате вам.

В период моей бурной и драчливой юности отец разработал двигатель для использования на малых и средних судах, запатентовал его и широко разрекламировал. Эффект преследует его до сих пор – очень выгодный эффект, сперва заказы на переоборудование торгового флота, а потом – и военного. Скорость кораблей, на которых был установлен рунный двигатель Шнапса, сразу увеличивалась с десяти-двенадцати узлов до двадцати и более. Конечно, в международной торговле суда Грайрува стали пользоваться несравненно большим уважением, и при возможности выбора предпочитались другим, что положительно влияло на казну, а также

---

¹ Все, безусловно, знают, что корабль – то, на чем плавают. Однако, в мире парусного судоходства «корабль» – это еще и отдельный тип парусного вооружения. У тех, кто разбирается в предмете, автор заранее просит прощения за синонимы «корабль – судно».

на личные сбережения владельцев судов.

Тави вбила себе в голову, что хочет корабль – Тави ни на миг не забывала о сумасбродной идее. В пятнадцать лет увидела, как на стапелях стоит огромный галеон² «Хаубер», и в сознании загорелся невидимый фитиль, освещающий большую надпись: «Вырасту, куплю себе корабль и уйду в плавание».

Конечно, купить галеон отец мог, а в последние годы, так и вовсе не один, но нанять несколько сотен человек – а именно столько нужно для полноценного экипажа – платить им, поддерживать трудоспособность и дисциплину... рехнуться можно. И разориться. Я перенесла свои аппетиты на суда поменьше, высматривая барки³, бриги⁴ и даже шхуны. Средняя шхуна вполне вмещала в себя мои мечтания, хоть и с трудом – красивое парусное оснащение, небольшая численность команды, относительная простота в ремонте и уходе. И с наступлением моего восемнадцатилетия, когда я показала родителям красивый диплом мага-лекаря, буквально в то же утро полученный из рук Вигора Теменестри, профессора Академии, мне не смогли отказать в маленькой просьбе.

---

² **Галеон** – многопалубное парусное судно для океанских путешествий. В мире Кихча классификация «галеон» отличается еще и размерами самого корабля, а также большим (свыше сотни человек) экипажем. Минимум три мачты с прямыми парусами.

³ **Барк** – трехмачтовое судно с прямыми (трапециевидными) парусами на первых двух и косым парусом на бизань-мачте

⁴ **Бриг** – двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Рабочие верфи «Шнапс», дочернего предприятия «Шнапс и компаньоны», заложили еще один сухой док, рядом с местом переоборудования фрегата «Коралл». Я после учебы обязательно бегала смотреть на «Коралл» – разобрали три палубы, воткнули гигантский маховик, провели связующие валы, шестеренки, вентиляцию, снова закрыли палубы, насадили винты. И все это в течение месяца. За тот же месяц едва собрали скелет корабля, который я уже мысленно привыкла называть своим. Правда, название все никак не придумывалось. Тысячи вариантов – поди, выбери из них лучший.

Кроме того, не давал покоя тип корабля. Инженеру, проектировавшему сию прихоть, пришлось взять на себя посылную, но выглядящую несколько непрофессиональной задачу: создать трехпалубное судно с парусным вооружением, подходящим для трехмачтовой марсельной⁵ шхуны⁶, таким образом, сократив численность человек на реях до минимального, а, значит, и общее количество экипажа. В чем загвоздка? Чем выше судно, тем ниже его остойчивость. Шхуны, в большинстве своем, делались двухпалубными и для уверенного пересечения океана никак не подходили. Хотя, конечно, первопроходцы пересекали на всем, что по-

---

⁵ **Марсель** – дополнительный прямой (трапециевидный) парус на фок-мачте, первой, считая от носа. Устанавливается на специальной верхней части мачты, также называемой марселем.

⁶ **Шхуна** – судно с косым парусным вооружением. Здесь и в дальнейшем идет речь о гафельных парусах на шхуне главной героини романа (трисель и галфтопсель в качестве основных).

падалось под руку и имелось в наличии.

Но главный козырь, помимо всего преимущества (и всех недостатков) косых парусов – рунный двигатель, конечно же. И, чем больше палуб, тем большего размера маховик можно воткнуть. Но, чем больше палуб – тем ниже остойчивость, мать ее растак. Я, скрипя мозгами, поступила в персональную корабельную школу, под руководством старого капитана, осевшего на берегу, постигая нелегкие премудрости мореходства и не менее заковыристые выражения, как приличные, так и совсем не, но даже наполовину йрвайская память не спасала. Одной в плавание пуститься категорически невозможно – ни рук не хватает, ни знаний.

И тут на сцене появляется Джад Стефенсон. Вообще, он появился еще в Академии, и мы с ним даже подружились – ну, как подружились, я ему синяк под глазом поставила. И он мне, кажется, тоже. Потом помирились, выпили в атмосфере большого секрета по здоровенной кружке эля, и тут я дала волю небрежности. Специальное заклинание иллюзии, которое наколдовали сердитые дяди за серьезные деньги, уже спало к тому времени, а персональное требовало некоторой части концентрации для поддержания. Естественно, под хмелем я на время забыла об этом, и напугала хорошего человека страшной рожей. После чего человек поспешил откланяться и убежал менять штаны.

На следующий день изволил вежливо поинтересоваться, а как так получилось, и не привиделось ли ему вчера в хмель-

ном настроении? Я честно рассказала, что он в порядке, а вот я – как раз наоборот, не совсем. И должна пользоваться услугами магии, так как косметики явно недостаточно. После чего продемонстрировала ему тот же фокус в глухом переулке. Джад, к его чести, даже не побледнел, лишь пробормотал «понятно» и задумчиво удалился.

После разговора по душам мы почти не контактировали – я рвалась вперед по чужим головам, есть такая не слишком приятная особенность характера, Джад безбожно отставал – даже экзамен на стихийного мага он сдал с третьего раза, и то, с очень большим трудом. И не Искра тому виной, а усердие, полностью отсутствующее у парня.

Впрочем, как я обогнала Джада на поприще магии, так и он успел многое изучить в искусстве мореходства, которое было юному Стефенсону несравненно ближе, чем зазубривание сложных заклятий, законов и принципов. К тому моменту, когда я целиком посвятила себя беготне на верфь и любованию кораблем, он успел дважды сходить в каботажное⁷ плавание – сначала простым юнгой, потом начальником парусной команды. И совершенно случайно я встретила его в одной из портовых таверн, пользуясь уже другой личиной.

– Джад? – удивленно спросила я, обнаружив знакомое лицо, уже поросшее тонкой линией бороды и усов. Он, естественно, меня не узнал и с интересом уставился на молодую женщину, прихлебывая из кружки. С иллюзиями весело – я

---

⁷ **Каботаж** – прибрежное судоходство.

вынуждена скрывать и свой рост, так что постоянно ловлю собеседника на том, что они пелятся на грудь. А если пелятся на грудь иллюзии, то взгляд где-то в районе моего живота. Я двумя пальцами нарисовала заостренные треугольники у головы и сказала:

– Тави.

– А, Тави, – скривившись, произнес он. – Как поживаешь?

Заметно, что вопрос задан без особого интереса. Так, дежурное приветствие не особо хорошему знакомому, с которым связаны не слишком приятные впечатления. Еще бы.

– Плаваю. Пока в мечтах, но скоро буду и наяву, – похвасталась я, шмыгнув носом. Подхватить веселый осенний насморк магам даже высших классов отнюдь не возбранялось, а я пока не доросла до тех самых классов.

– Забавно, – ухмыльнулся Джад, немного оживившись. Его раскосые глаза внимательно осматривали мою личину, видимо, подмечая различия между той девочкой, которая училась с ним в Академии, и нынешним обликом. Сам располнел, если раньше был просто головастый парень, то сейчас еще и щеки наел, и брюшко отрастил. Нож вон у бедра, бывалый моряк. Даже жилетка в синюю полоску, вертикальную, правда. – Я вот тоже у берега болтаюсь. Два дня назад сошел с «Горного Короля», боцманом был. Вот, деньги пропиваю.

– А вечером – к шлюхам, – беззаботно подхватила я, жестом показывая кабатчику, что тоже хотела бы одно пиво.

Стефенсон поморщился:

– Из уст красивой леди это звучит не слишком.

– Значит, все в порядке.

– Ты вообще хоть когда-то снимаешь маскировку?

– В спальне, – фыркнула я. – Хороший разговор, прошлых да спальни. Осталось еще вспомнить про дерьмо да задницы, и вечер высокого слога можно считать удавшимся.

Джад лениво прихлебнул и почесал за ухом, оставив мою иронию без должного продолжения:

– Ты тоже в море?

– Не сейчас. Надо подучиться немного, да и судно только строится.

– Да ладно? Твое?

– Я же из богатеньких, вроде как.

– Хорошая компенсация за кривую рожу, – без ложного такта оценил он. – И сама собираешься пойти?

– Ага, – задорно подтвердила я. – Капитан Матави Шнапс, будущий.

– Что ж, помня, как давалась тебе магическая наука, не удивлюсь, если выйдешь в море, как только твое корыто вынырнет из дока. А люди?

Грустно разведя руками, я придвинула к себе высокую деревянную кружку, обитую полосками железа на манер миниатюрного бочонка, только с ручкой. Ответила:

– Вообще никого. Да и с корабельной премудростью не шибко ладится. В академии попроще было. Кстати, пока

отец дает мне деньги, хочешь в экипаж?

– А чем ты вообще планируешь заняться? – спросил он, ожидая, наверное, услышать глубокомысленный ответ.

А я не знала, что ответить. Глупо хлопала глазами. Наверное, где-то внутри меня есть загадочный рычаг с надписью «море», и он находился в положении «вверх». Мол, выйду куда-нибудь, а там все образуется. Вообще, я хотела стать исследователем и первооткрывателем, вот только точная карта океана Оси, внутреннего океана трех континентов, составлена задолго до меня. Как решать данную проблему – не знаю. Заклинание массового забвения? Запрещено, да и мощи не хватит на такое. Да и зачем?

– Не знаешь, – подытожил чертов Джад, насмешливо щурясь. Как будто можно еще больше прищуриться с его дейскими глазами. – О каком капитанстве тогда может быть речь?

– Ну... наемники, конвой, – перечислила я первое, что пришло на ум.

Он допил и перевернул кружку вверх дном, давая понять, чтоб не доливали.

– Опасное занятие. В стычках с мелкими пиратами даже непонятно, на чьей стороне безопаснее быть – они хотя бы могут маневрировать, а тебе главное – не потерять груз.

– Мне главное – груз для начала найти, – проворчала я.

– Ага. И корабль достроить.

– Все еще не ответ!

– Зарплата? – поинтересовался Джад.

– Сорок варангов.

– В день?

Я расхохоталась. Подозреваю, иллюзия в этот момент мило захихикала, создавая контраст зубастой пасти, скрытой под ней.

– В декаду, дорогой мой Джад.

– Хорошо, хоть не в месяц, – подытожил он, но ленивый взгляд стал чуть менее ленивым. Даже огоньки появились. – Все равно лучше тех дерьмовых контрактов, по которым я плавал. Должность?

– Первый помощник, разумеется. Возьмешь на себя торговые переговоры, милая девушка совершенно не годится на роль капитана корабля. Хотя это, конечно, минус – надо будет поработать над арсеналом своих личин.

– И командовать кораблем в твое отсутствие?

– Естественно. Что еще там первый помощник делает?

– Где как, – туманно протянул он. – При случае смогу и лощию⁸ проложить, и курс нужный взять, да и по звездам сориентироваться.

Я уважительно присвистнула, опустошая кружку наполовину.

– Ничего себе. За несколько лет уже в морского волка превратился.

---

⁸ **Лощия** – подробное описание рек, морей, океанов, их берегов, рельефа дна для нужд судоходства.

Стефенсон спокойно пожал плечами, оглядываясь по сторонам. Наверное, кого-то искал.

– У меня выбора особо не было. Четвертый сын – либо сижу в мамином поместье, все, что досталось ей от некогда богатого рода, либо как-нибудь пытаюсь устроить жизнь самостоятельно. Вроде неплохо выходит, ага? Вот уже сорок варангов в декаду имею. Это двести в месяц?

Я кивнула, поскребя невыносимо зачесавшуюся переносицу.

– Недурно.

– Корабль еще не достроен, – тоскливо сказала я, вспоминая голый скелет, стоящий в доке. Массивный, но все еще голый, с едва наметившейся линией обшивки и палуб.

– Ага. То есть, пока заключение контракта откладывается.

– Боюсь, на долгий срок.

– Что ж, – зевнул он. – Рад был пообщаться. Когда достроишь, обращайся, с радостью наймусь первым помощником на ваше, несомненно, прекрасное судно, леди Шнапс.

– погоди, а сейчас ты что планируешь делать?

– Некоторое время планирую поработать, если позволишь. – Со вздохом он поднялся из-за стола и направился к двери. Я крикнула вслед:

– А как я тебя найду?

– Ливерная улица, дом шестнадцать.

Дверь хлопнула, и я хмуро уставилась на кружку, в которой все еще плескалось пиво. Можно ли это считать удачей?

Нет, не пиво, а наш разговор. В определенном смысле – да. Парень до службы на моем корабле наберется опыта, а место выше боцмана ему в первые несколько лет вряд ли предложат. Поэтому, надеюсь, я завербовала первого человека.

Сейтартт появился в моей жизни год спустя, когда хотел меня ограбить. Да, вот так просто и без обиняков, встретила я его в темном переулке, он, угрожая ножом, потребовал отдать всю имеющуюся наличность. У девушки, обликом которой я пользуюсь, нет меча, поэтому движение его вынимания из ножен сложно заметить. Зато можно почувствовать, особенно когда милая особа в самом расцвете исчезает, вместо нее появляется то, что вы уже отчетливо, надеюсь, представляете, а к горлу приставлена холодная сталь. И ваш ножик кажется смешным и нелепым.

Самое интересное, пожалуй, то, что немолодой уже мужчина носил за плечами арбалет хитрой конструкции, но чересчур понадеялся на силу и психологический эффект. Вряд ли пробил бы щит цехембве⁹, но шанс гораздо выше, чем идти с ножом против фехтовальщика и мага.

Тут я вынуждена ограничить эгоизм, заставляющий меня восхвалять собственные умения и превозносить их до небес. Себя я люблю, конечно, кто бы спорил (не мешает подправить несколько мелочей при случае), но либо фехтовальщи-

---

⁹ **Цехембве** – силовое поле, окружающее мага. Считается основой Защитного курса в Академии.

ком быть, либо магом. Как только у тебя в руке меч, арсенал заклинаний очень сильно ограничивается. Один из фундаментальных законов мира Кихча – металл мешает колдовать, магия мешает сосредоточиться на бретерстве. Не два одновременно. Маг может призвать оружие, сотворенное из силовой ткани мироздания, но оно всегда уступает живой стали и с легкостью ею разрушается.

Так вот, Сейтарр. Не имя, прозвище. Сейтарр – так зовут мелкую фигуру в саррусской игре «хольстарг». Фигура пехотная, изображается в упрощенном варианте как шпиль на круглом постаменте. Вот и он такой – худой, немного сутулящийся, на два вершка ниже меня. Настоящей меня, то есть, безоговорочно выше всех моих иллюзий. Думаю, если выпрямит спину, сравнится со мной в росте. Но тогда, в переулке, он спину не выпрямлял и вообще старался выглядеть жалким и безобидным. Как будто не он мне только что ножом грозил.

Я села на какой-то распотрошенный ящик, перевернув его вверх дном и посмотрела на обидчика. Плохо выбрит, щетина кустится на неровном лице, тонкие неряшливые усики, неожиданно лиловые глаза. Фиалковые прямо. Глаза поэта, мечтателя, никак не бандита из подворотни. Меч поставила рядом с собой, лезвием вниз, положила ладонь на навершие. В то время, пока Джад Стефенсон ходит по реке Жемчужной и окрестным морям, а гордый корабль без имени обрастает снастями и деталями интерьера, меня тут грабят. Ну-ну.

– Чего молчишь? – протянула я задумчиво. – Рассказывай. И учти – бегаю я быстрее.

А он еще и босиком, не самый лучший выбор для твердых мостовых или занозистых портовых досок. Что ж за грабитель мне попался такой?

– А ч-чего рассказывать? Сейтarr меня зовут.

– Реальное имя или уличное?

– В приюте Дайбэном назвали.

– Сирота, значит... понятно. Как докатился до жизни такой, Дайбэн?

– Ну а чего делать... времена-то нынче беспокойные, – зачастил он, поминутно переводя взгляд с меня на меч и обратно. Неужели думает дотянуться? Руки длинные, хоть и толстые. Одни кости, обтянутые кожей. – Работу нелегко найти. Вот и приходится, понимаешь...

– Вообще не понимаю. Ты в своей жизни хоть день работал?

– Да я в армии служил! – возмутился он.

– Сколько?

– Три года.

– Маловато для армии. Я думала, у нас срок контракта – пять лет.

– Так я и не в грайрувской, – нашелся он. Бегающие глаза выдадут с потрохами. Я зевнула и предложила:

– Сейтarr, или как там тебя... попробуй что-нибудь поинтереснее. Не собираюсь тебя пытаться, приносить в жертву

или сдавать властям. Мне плевать, понимаешь?

Грабитель потупил взгляд:

– Уволили. Проворовался, поймали на горячем, когда сапоги выносил новые.

– За одни сапоги увольнять?

– Так ящик же выносил.

– Губа не дура. А дальше что?

– Потом работал наемником, потом подался в столицу... слушай, а чего это я тебе все выкладываю? Нашлась тут... исповедница.

– Например, потому, что у меня меч.

Он проворчал:

– Сам вижу. Никак не меньше семи варангов, судя по гарде и отблеску стали.

Я удивилась:

– Шесть варангов и шестьдесят медных. Мой отец просто торговаться хорошо умеет, вот и выгадал для себя пару грошей. Хорошо, а вот это? – я указала на браслет, который носила на запястье. Из толстого серебра, с парой светло-голубых камней. Драгоценные металлы почему-то неплохо уживаются с волшбой. Сейтарр придвинулся ближе:

– Можно?

– Можно, только не вздумай стащить.

– Я все еще вижу руку на мече. И не подумаю.

После нескольких секунд осмотра он уверенно заявил:

– Три половинных золотых. Может, еще медная горсть

сверху, но камни не драгоценные.

Я театрально приложила одну ладонь к другой, оскалившись в улыбке:

– Браво. И человек твоих талантов прозябает на улице?

– Дык, это... времена нынче беспокойные? – немного ослабился он, окончательно осознав, что убивать его прямо сейчас не собираются.

– Сейтарт... у меня к тебе есть дело. Вспомни свои годы в армии и соберись, дело важное. Ты можешь не воровать, когда тебе нормально платят?

– Не знаю, – осторожно ответил мужчина. – Смотря сколько платят. И что делать надо. А то возникает чувство, будто меня подписывают на что-то ужасно неправильное и, простите, леди, непристойное.

– Я хочу нанять тебя интендантом. На корабль. Там некуда бежать, особенно когда в море. Подпишешь контракт – буду платить достойно, не обижу. К демонам твои беспокойные времена. Назначение корабля – конвой, возможно, поиски сокровищ, если в мои лапы попадет хоть какая-то информация о них. Морской болезни нет? Писать умеешь?

Сейтарт ухитрился выглядеть одновременно удивленным, радостным, заинтересованным и оскорбленным. Четыре в одном флаконе.

– Я подпишу. Риск такой же, зато плата гарантированная. Желудком не страдаю, умею писать и читать. Могу, если нужно, вести учетные книги.

– Нужно, – кивнула я. – Все, что умеешь – все пригодится. Ходил на шхунах?

– Не-е. На шлюпе ходил, и то пассажиром, а на шхунах – ни разу.

– Значит, будет первый опыт. Шхуна с новым рунным двигателем. Видел такие?

– Как у Гильдии? – уточнил Сейтarr.

– Да, как у Гильдии. Но эта – лично моя. Персональный заказ, улучшенный и усовершенствованный.

– Любопытно, – пробормотал он. – Когда и куда прийти?

– Завтра утром буду ждать на верфи «Шнапс», у третьего дока. Придешь – молодец. Не придешь – проворонишь отличный шанс что-то изменить в жизни.

Он молча кивнул. Сам понимает, не дурак.

– Сейтarr... если ты подпишешь контракт и сбежишь, получив первую оплату... у меня есть и другие способы достать тебя. Помимо меча.

– Принято к сведению, – сухо отозвался бродяга. И направился к противоположному концу переуллка. Затем обернулся:

– Леди, а как вас звать то? Кого искать, у вас же все эти... магии. Не узнаю так просто.

– Матави Шнапс, – коротко ответила я. Задумалась, крикнула в спину:

– Сейтarr!

– Чо? – обернулся он с недоумением.

- А сколько ты за сапоги те получил бы? За весь ящик.
- Сорок медных!

Глава 2. Ревизии и реквизиции

Джад вернулся из третьего по счету плавания, растянувшегося на год и два месяца. Моя безымянная марсельная шхуна все еще стояла в доке, но вид приобрела почти завершённый – не хватало кое-каких элементов оснастки, запаса провизии и вооружения. Сейтартр, переодевшийся в приличный костюм, бегал по судостроительным инстанциям, грозил им различными карами и арбалетом – в общем, почти переродился человек. Как волшебная птица-феникс. Все чаще они оба появлялись в доке номер три. Одно дело, когда ты нанимаешься в команду уже готового корабля, и совершенно другое – когда наблюдаешь за строительством судна, в котором тебе предстоит стать одним из ветеранов. Первым попать еще свежие доски носком сапога, хе-хе.

Дайбэн, тот, который Сейтартр, неожиданно показал себя еще и умелым механиком – составил полный чертеж двигателя, ночами сидел над ним и ломал голову, что бы еще добавить. В результате его умственных усилий на приводных валах появилось несколько рычагов, позволяющих дополнительно блокировать части механизма на случай отказа основных приборов.

И арбалет его выглядит в точности как тот, о котором рассказывал отец. Оч-ч-чень интересно. Работа мардов, но обслуживает сам, смазывает, меняет блоки, придумал новый

снаряжательный короб со стрелами не в ряд, а лесенкой, позволяющей вложить в обойму в полтора раза больше коротких арбалетных болтов. Интересный человек. Правда, ходит босиком, а карманы вечно набиты хламом. Стеклянные шарики, деревянные фигурки, какие-то гвозди, табак, сложенные вчетверо листки бумаги, несколько кресал... боюсь, что всего содержимого еще не видел никто.

Одной из поздних ночей, когда мы возвращались с верфи почти-прямым-маршрутом через ближайшую таверну, мой первый помощник нечаянно толкнул пошатывающегося франтоватого господина среднего роста. Черные волосы и темно-зеленые глаза, почти черные в ночи, великолепный мясистый нос, сделавший бы честь какому-нибудь саррусу. И небольшая остроконечная борода, вызывающе торчащая вперед, вдобавок. Как будто носа недостаточно. Черноволосый неожиданно вспылил, голос, на удивление, сильный и звонкий:

– Что вы себе позволяете, безродный невежа? Я вынужден вызвать вас на дуэль, а если ваше, несомненно, низкое происхождение не позволяет вам достойно принять вызов, я вызову на дуэль вашего мастера или капитана!

– Ой, как страшно, – усмехнулся Джад, незаметно подтачивая меня в спину, – капитан, тут тебя на дуэль требуют.

Я несильно пнула его по ноге и сделала шаг вперед. Задир, увидев меня, внезапно переменялся в лице:

– Простите... я не знал, что сей идиот находится под ва-

шим командованием, леди.

Осмотрев его, я сделала вывод – безудержный любитель пускать пыль в глаза. Одна зеленая рубашка с ярко-оранжевым воротником чего стоит. И мягкие мокасины на ногах, а не привычные для всех обитателей портовых районов сапоги. Как он здесь оказался? Из-за спины торчит рукоять двуручного меча, который перевязан простой веревкой через плечо.

– Вы... этим собираетесь драться? – насмешливо спросила я, шмыгнув носом.

– Я не дерусь с леди, – твердо заявил он, уже не пошатываясь. Почти. – Кроме того, я не вижу вашего оружия.

Я осмотрелась по сторонам. Несколько пьяниц у дальнего пирса, больше никого... занимательно. Как раз хорошие условия для хорошей драки.

Иллюзия – единственный из типов магии, который неплохо уживается с металлом. Возможно, потому, что является больше результатом умственных усилий, чем заклинанием-активатором заложенных в структуру Мира процессов. Но фехтовать под личиной не слишком удобно, да и при значительной разнице в росте меч все равно появится из ниоткуда, привлекая неудобные вопросы. Поэтому с подобными проблемами я разбираюсь просто.

– Благослови меня Корд, – проронил он, отступая на шаг. Отвесив поклон, я достала меч из ножен и иронично произнесла:

– Мастер все еще желает проверить мои навыки владения мечом? Возможно, его подстегнет факт грязного обмана его светлых очей?

Задира коротко ответил:

– Да, бесспорно.

– Тогда назовите свое имя, уважаемый. Я, Матави из рода Шнапсов, обещаю не бить вас слишком сильно.

– Что за род демонов такой... Меня зовут Ульгем де Рьюманост, являюсь сыном графа Рьюманоста.

– Закончили расшаркивания, – отрезала я. Хмель ласково омывал мысли, благо, мать не передала мне непереносимость алкоголя, как у всех йрваев. Направив меч в сторону противника, коротко рявкнула:

– Анбинден¹⁰!

Твою...

Он легким движением достал меч из-за спины, распустив узлы на веревке. Я такого уродливого меча в жизни не видела. Неожиданно широкое лезвие, заточенное лишь с одной стороны, в верхней трети резко уходящее назад, имело на самом конце невзрачное отверстие. Через дырку продета туго натянутая нить, что другим концом крепится к такому же отверстию у середины клинка. Это не меч, не кавалерийский палаш, даже не сабля с континента Рид.

– Что это за чертовщина?

– Гранадо Цвейхт, моя дорогая, – издевательски покло-

---

¹⁰ **Анбинден** – базовая стойка со скрещенными мечами.

нился франт. Хмыкнув, я скрестила меч с его уродцем:

– Больше похоже на заточенную стальную балку, уважаемый де Рьюманост.

Он держит меч одной рукой, не роняя ни капли пота, без малейшего напряжения. Неожиданно для себя я столкнулась у причала Старых Звезд с очень необычным противником. Не знаю, насколько он силен, как фехтовальщик, но как человек... по виду, его оружие весит никак не меньше тележной оси.

Мечи с протяжным звоном разомкнулись, я попыталась сразу нанести рубящий удар по ногам, но противник с легкостью его отразил и взмахнул мечом на уровне моей головы. От такого движения я была вынуждена уклоняться, так как опасалась заблокировать тяжесть огромного клинка. Уклонившись, я резко сократила дистанцию, нанеся скользящий удар вдоль его поясницы, однако задира отскочил и направил острие в верхнюю позицию, издевательски проговорив:

– Вас, наверное, обучали уличные жонглеры, леди! Но последний шнитт¹¹ был просто замечателен, признаю...

– Ловко скачете, Ульгем, не иначе, ваш мастер был профессиональным цирковым акробатом. Что за оскорбительные намеки на жонглеров, пытаетесь вывести меня из равновесия? – вернула я любезность схожим образом.

У меня имелось преимущество – длинные руки, но с размерами его меча стал иметь значение лишь тот факт, способ-

---

¹¹ **Шнитт** – тип скользящего удара, наносимого вдоль тела.

на ли я вовремя уклониться. Он значительно уступал в росте, почти на голову ниже меня, тем не менее, разрушительные удары следовали один за другим, поэтому я меняла позицию гораздо чаще, чем меня учили, осыпая его рубящими атаками со всех сторон.

Не давая себя теснить, я отлично ориентировалась на слух и напрочь игнорировала вопли моей небольшой команды, подбадривающей капитана. Рюманост... где он вообще находится? Что за странная школа? Рюманост...

Стоп. Это вообще Ургахад! Получается, его отец – саррус? Или человек, получивший титул в честь города? Я едва уклонилась от рубящей атаки снизу вверх, непроизвольно поставив блок, отчего тут же заныло запястье и предплечье.

– А вы хороши в бою, – отвесил он комплимент, тяжело дыша. Я стиснула зубы, не отвечая, и продолжала драться, пытаюсь одновременно размышлять. Что говорил мастер Столрус насчет ургахадских фехтовальщиков?

«Их нападение основано на чистой выносливости в ущерб мастерству. Саррусы ставят на то, чтобы измотать противника, если это их сородич, или пробить брешь в обороне с помощью грубой силы, если они сражаются с человеком. Что, в большинстве случаев, действительно приводит к победе».

Нет. Совсем не то. Тяжелый клинок молниеносно пронесся возле моего уха, чуть его не отрубив, я отпрыгнула в сторону и нанесла тяжелый шейтельхау¹², который Ульгем с лег-

---

¹² **Шейтельхау** – тяжелый рассекающий удар. Наносится горизонтально

костью блокировал.

«Я не дам однозначного ключа к победе над саррусом-мечником, но Стальная Сеть, которой обучается абсолютное большинство населения Ургахада, основана на армейской технике боя. В нее включено искусство движений, позволяющее не ранить соседа в строю – это, безусловно, лишает бойца не слишком экономичных широких взмахов, но ограничивает поле его действия».

В ноги я не пройду, фронт ниже меня. И, если он дрался с громадными саррусами, то отлично владеет приемами, предназначенными для поединка с более высоким противником. Магию я применять не стану – урон чести слишком велик. Мой меч жалобно звенел, встречаясь с гораздо более массивным клинком Ульгема, но пока что держался. Поединщик не проваливался вслед за мечом, однако уже держал его двумя руками, отбросив пустое фиглярство.

Могу ли я превзойти его в скорости? Могу. Для этого не обязательно прибегать к беготне вокруг противника, достаточно применить бинден¹³ и последовать за отбрасывающим усилием его клинка... если только он не смахнет мне голову во время длинного шага. Рискованно, но определенно стоит того.

Я нанесла угловой удар и, как только он отбил атаку, повернула кисть так, чтобы мой меч по инерции двигался в сто-

---

в верхнюю часть головы противника.

¹³ **Бинден** – обманное давление на клинок противника.

рону, шагнув вслед за ним. Пригнулась, уходя от восходящего удара, отпустила рукоять, подхватила левой рукой и взрезала его бок от ребер до самой руки, блокировав само предплечье свободной правой. Противник не выронил меч, но, пошатываясь, отступил, схватив свой огромный Цвейхт левой, пока еще неповрежденной рукой.

Молча отсалютовав, я воткнула клинок в землю, давая понять, что продолжать поединок не стану. Дыхание сбилось, капли соленого пота бежали по лбу – я промокнула их платком и небрежно сунула белую тряпицу в нагрудный карман. Джад подбежал и начал меня ощупывать, я отвесила ему солидный подзатыльник:

– Вот ты скотина, а? Мне чуть голову с плеч не снесли, а тебе лишь бы руки распустить.

– Ой, да кому ты нужна, – принял он оскорбленную позу. – Как будто у меня других занятий нет, ага.

– Еще скажи, что заботился о сохранности моей тушки.

– Конечно!

Сейтарр хмыкнул, затем осторожно поинтересовался:

– Капитан, вы целы?

– Не дождетесь. Сейчас, помогу джентльмену немного поправить свое здоровье и пойдем по домам.

– На кой он тебе, Тави? – удивился Джад, очень безродно и невежественно ковыряясь в носу. Прямо в точности, как охарактеризовал его Ульгем.

– Можешь не верить, только что состоялся мой самый

трудный поединок, пожалуй, за всю жизнь, — улыбнулась я. — Если не считать выпускной драки с мастером Айви, но там просто избиение дочки Шнапсов, возомнившей, что она великий фехтовальщик.

Мой противник тем временем уселся на ближайший ящик и неожиданно достал из поясного жесткого кошелья кривую иглу с тонкой нитью, поскольку рана кровоточила и закрываться самостоятельно явно не собиралась.

— Твердолобый, — одобрил Сейтarr. — Такого парня не сразу свалишь с ног, разве что их отрубить.

— Дай я, — забрав у него иглу, потребовала я. Тот беспрекословно подчинился, подняв руку вверх и сцепив зубы. Рана выглядела не слишком серьезной, но явно доставляла графскому сыну неудобства. Что ж, самое время вспомнить — я еще и целитель.

— *Рейкминоусс, дзамн, вар-геменн-шараакаст.*

Удовлетворенно осмотрев полученный результат в виде ярко-красного рубца, я поднялась на ноги и протянула иглу ему. Инструмент явно не швейный, видимо, уже привык сам себя зашивать. Или держит на всякий случай... непростой он противник, надо признать. Очень и очень непростой.

А рубец позудит еще немного, но все лучше, чем открытая рана.

— Спасибо, — невесело произнес Ульгем де Рьюманост, поднимая оружие. — Знатно вы меня отделали, леди.

— Какая я, к черту, леди, — беззаботно отмахнулась я, смот-

ря на него с любопытством. – С детства нахожу приключения на свою голову, а такие, как этот, еще и подкидывают всякие занимательные ситуации.

Хотела еще раз стукнуть Джада, да покрепче, но он увернулся.

Ульгем почесал свой выразительный нос, затем поскреб едва затянувшийся бок. Чесотка какая-то, не иначе. Затем неожиданно возразил:

– Ну, здесь-то он точно не виноват. Я свалился вам на голову, как горная лавина, а вы, как и подобает капитану, отстаивали честь члена вашего экипажа. Примите мое восхищение по поводу вашего обращения с мечом.

– Я потребую компенсацию, – ехидно сообщила я, дернув ушами. – Позвольте осмотреть ваше оружие.

– Меч – все, что у меня есть... – начал было он. Я успокоила готового снова вскинуться аристократа:

– Мне он не нужен. Просто попробую подержать в руках. Любопытно.

Настороженно взирая на моих спутников, признаю, не самого достойного вида, Ульгем передал мне клинок с резким изгибом, тускло поблескивающий под светом звезд. Я повертела его из стороны в сторону, попробовала пальцем нить – обычная нить, ничего магического, зачем она вообще здесь нужна, с усилием перекинула из руки в руку. Протянула Джаду:

– Нет, это решительно невозможно. Попробуй.

– Чертов плотницкий топор, а не меч, – вынес вердикт Стефенсон, тоже прикинув вес клинка. Не менее двенадцати-четырнадцати фунтов, повторяет вес саррусского боевого молота, если уж начистоту. Парень в начале боя управлялся с ним одной рукой, умело перенося вес из стороны в сторону. Чертовщина.

– Магия? – с подозрением спросила я. Ульгем покачал головой:

– Никакой магии. Да вы и сами маг, могли бы почувствовать. Только сражаетесь на удивление хорошо. Тренировки, леди Шнапс, исключительно они.

– Какой вес вы можете поднять, уважаемый?

– Оторвать от земли или поднять над головой?

– И то, и другое.

– Смотря как поднимать. Если сам привяжусь к какой-нибудь крепкой балке и перекину веревку через блок, могу оторвать от земли телегу, груженную камнями.

Джад присвистнул, но ничего не сказал. Сейтарр ухмыльнулся – он, кажется, понял, зачем мне такие расспросы.

– Ульгем... вы упомянули, что все ваше имущество – меч. Как насчет того, чтобы записаться в мой экипаж?

Он воскликнул, удивленно взглянув на меня:

– Помилуйте, но вы же и сами искусный целитель! Зачем вам в команде второй врач?

– Врач, – беспомощно повторила я. Посмотрела на экипаж, затем на Ульгема, затем на иронично нависшую рогатую

луну, которой явно нравился наш диалог, заполнившийся невероятным абсурдом чуть менее секунды назад. – Врач...

Сейтартр отвернулся в сторону, его худые плечи мелко подрагивали – бывший бандит делал все, чтоб не расхохотаться поверженному бойцу в лицо. А то заработает себе личную дуэль. Первый помощник неуловимым усилием воли сохранял серьезный вид.

Я тоже едва смогла подавить в себе зарождающийся дикий хохот. К тому же, мой смех зачастую пугает людей и мешает конструктивному диалогу. Объяснила:

– Я клянусь, что еще никогда не видела врача, способного за короткое время наделать себе огромное количество пациентов. Ваше владение мечом выше всяких похвал. Но умения знахаря нам тоже пригодятся – магия не вечна, и в мире слишком много мест, в которых она может исказиться или попросту не срабатывать.

– Осталось спросить себя – насколько я на мели, – растерянно ответил он, наконец-то удосужившись осмотреть меня.

– Давайте я спрошу. Насколько сильно вы на мели, Ульгем? – Выпрямившись во весь рост, я пытливо посмотрела на него. Он также поднялся, через голову натягивая рубашку крикливых цветов с длинным, заляпанным кровью разрезом с правой стороны. И рукава кружевные, надо же, до чего может прийти человек в желании выделиться.

– Весьма и весьма. Я не совсем был честен с вами... из от-

цовского дома меня изгнали. С тех пор не имею средств к существованию, живу исключительно мастерством поединщика.

— Я внушаю вам достаточно уважения, чтобы служить под моим началом? — без обиняков спросила я. Меня, честно говоря, не интересовало ни его происхождение, ни грустная история неудавшихся родственных отношений, или что он там такого натворил.

— Да, бесспорно. Давайте примем случившееся за поединок, ставкой в котором была моя служба на корабле.

Я поморщилась и иронично приподняла бровь, ответив:

— Бросьте. Дети аристократов нанимаются простыми юнгами, чтобы поскорей обучиться военному делу. Хотя, если вам нравится играть в подобную игру, давайте так и условимся.

— Но я не слышал вашего титула, — заметил он, — или титула вашего отца.

— Да только ты и сам уже не дворянин, парень, — заметил Сейтарт.

— Только из уважения к вашему возрасту я... — вскинулся Ульгем, однако я взяла его за плечо и крепко сжала, проделав когтями дырки в яркой ткани.

— Стоять, оба. Ульгем — да или нет?

— Да.

— Решено. Должность — корабельный врач. Задачи — охрана, конвой. Сегодня уже поздно, детали обсудим завтра

с утра в «Прикупе на грош».

Ульгем, некогда Ульгем де Рьюманост, поведал нам на следующее утро, что действительно является лекарем, все необходимые грамоты и лицензии присутствуют, а обучался он уже здесь, в столице. Такие имена на форзацах, как Пиут Джанджи и Ганс Верншмидт, слышала даже я, так что доверить свое здоровье франтоватому мужчине не побоялась бы.

За третьей кружкой выяснилась и причина, по которой его изгнали из Рьюманоста. Хе-хе. Могли и казнить, в суровом владычестве на букву У мужеложство считается достаточно уважительной причиной для повешения за шею на специальной конструкции. Реакцию первого помощника и интенданта несложно предсказать.

– Тави, – предварительно отодвинув стул подальше от опасного Ульгема и поближе ко мне, прошептал Джад, – а он нам точно нужен?

– Заблокируют мне заклинания каким-то хитрым методом, к кому побежишь штопать при первой царапине? – вопросом на вопрос ответила я, цедя слабое пиво.

– К нормальному доктору. Понимаешь, ага? *Нормальному.*

Откровенно говоря, я наслаждалась моментом. Где-то с месяц назад мне было в два голоса заявлено, что магическое исцеление, оказывается, ненадежное, обладает кучей побочных эффектов и плохо влияет на организм. И тут, ко-

гда находишь им компетентного лекаря...

Сам потомок графа сидел и ухмылялся. Эпатажность заявления, очевидно, стояла для него рангом выше, чем возможное неуважение. А посмотрите, какой эффект.

Сейтарр прокашлялся и рискнул заметить:

– Я бы не стал доверять человеку, не опробованному морем...

– Я служил под началом Петера Маверика, капитана галеона «Кестмарский призрак», тоже доктором, – безжалостно осадил его злой Ульгем. Сейтарр выдвинул контраргумент:

– Мы можем связаться с Кестмаром, запросить информацию. Я вот тоже могу заявиться в Телмьюн не пойми откуда, и сказать, что служил старпомом на «Буревестнике» или «Хвосте змеи».

– Маверик сейчас в Телмьуне, – парировал наш потенциальный лекарь. – Пошлите вестового да спросите.

Покончив с крепко просоленным рыбьим хвостом, я показательно зевнула, давая понять, что их препирания мелочны и не заслуживают отнятого времени, проговорив:

– Джад... знаешь, о чем говорит врачебная этика?

– О чем?

– Джад, хватит паяться на мою иллюзию.

– Прости, Тави, но смотреть в глаза, которых не видно, очень утомительно. Так что я выбрал куда более приятное времяпровождение. Так о чем говорит твоя врачебная этика,

что бы это ни было?

– Врачебная этика говорит о том, что между врачом и страждущим запрещены любые отношения, кроме сострадания, выражаемого первым по отношению ко второму. Можешь считать это прямым запретом лицензионной комиссии по присвоению званий и классов на то, чтоб корабельный врач пристаивал к члену экипажа.

– Я и не собирался, – заметил Ульгем, терзая зубами особо жесткий кусок мяса. – Но всегда забавно посмотреть на храбрых мужчин, которые с помощью нескольких слов превращаются в идиотов, боящихся за свои филейные части.

– Тави, а он *точно* нам нужен?

Я закатила глаза к потолку.

Ульгем или просто Граф, как его окрестил Сейтарр, сменил рваную зеленую рубашку на синюю с металлическим отливом, но с тем же воротником в виде ярко-оранжевых языков пламени, а еще повязал на голову темно-синюю бандану. Я – в длинном «морском» плаще из плотной, водонепроницаемой ткани, Джад Стефенсон, на каком-то рынке выкупивший поношенную броню, переделанную из нескольких портупей, но обильно украшенную шипами, и наш интендант в простых черных брюках и бледно-желтом вязаном свитере. И вот стоим мы, такие красивые, у третьего дока, и наблюдаем, как у моего корабля суется какие-то люди в доспехах. Моего. Корабля.

– Что здесь происходит? – резко спросила я. Сейчас на мне личина Мари Стивенсон, дамы среднего возраста с резким, прокуренным голосом, любящей мужскую одежду и меховые воротники, в ней я обычно и хожу сюда. Очень помогает, иллюзиям милых девушек недостает искренности и грубости.

Один из латников обернулся, широкими шагами подошел ко мне и небрежно отдал честь:

– Штабсбоцман¹⁴ Второго флота Империи Краузе! Имеем полномочия реквизировать судно ввиду приведения флота в полную боеготовность!

– То есть как это вообще? – ошарашенно спросила я. – Частное судно не позволено.

– Читайте, леди, – он протянул мне указ. Я пробежала глазами строки, где, помимо всего прочего, говорилось «...позволяется изымать у подданных, обладающих судами, однако не ведущих в данный момент торговой, исследовательской или прочей деятельности...». А еще подпись и печать императорской, мать ее, канцелярии.

– Ты посмотри, – шепнул Сейтартр, – уже и название приобсочили.

Вдоль носа шхуны горделиво красовались позолоченные буквы «Гремящий». «Гремящий», блин. Я грязно выругалась и отвесила штабсбоцману хорошую оплеуху, сопрово-

---

¹⁴ **Штабсбоцман** – военная должность на флоте империи Грайрув. Соответствует армейскому поручику.

див ее комментарием:

– Конечно, я не веду в данный момент никакой деятельности, придурки. Корабль не достроен!

– Мы завершим строительство в кратчайшие сроки, ле-
ди, – смиренно сказал он. Место моего нежного прикоснове-
ния отчаянно покраснело. – После маневров, кои, несомнен-
но, завершатся успешно, барк будет передан вам обратно.

– А если для корабля выход в море будет последним?

– Вы получите расчетную компенсацию из императорской
казны. Необходимо заранее, еще до временного изъятия, по-
дать прошение на страховку. На случай военных действий.

Сложив два и два, я в бешенстве заорала:

– Какая еще, к чертям собачьим, страховка?! Барк, тьфу,
ты, шхуна не была достроена, и как я подам прошение, если
вы ее уже забрали?!

Ульгем потянулся за мечом, однако, заметив движение
краем глаза, я остановила его:

– Не сейчас.

Черт, они поменяли парусную оснастку. Ну да, у флота
людей – тысячи, могут себе позволить побольше рей¹⁵ и по-
меньше косых парусов. Хотя против ветра такая парусная
схема никуда не годится. Хотя, по справедливости, против
ветра никакая не годится. Теперь это действительно барк.

---

¹⁵ **Рей** (здесь ошибочное название *рея*) – горизонтальная несущая часть пря-
мого парусного вооружения. Реи называются по названию паруса, который дер-
жат, в общей классификации различают верхний и нижний рей.

Гафельную бизань оставили, но вклепили на грот четыре прямых паруса. Ублюдки. И на фок-мачте тоже три вместо одного марселя сверху, поменьше, но также трапецевидных.

Я в бешенстве, не в силах больше выдать ни слова, схватила Сейтарра за шиворот и скомандовала остальным двигаться за мной. Ошеломленный интендант бормотал:

– Это что ж... это как же так-то получается.

– Времена нынче, ..., беспокойные, – процедила я, едва сохраняя концентрацию для того, чтобы поддерживать иллюзию. Сзади пробасил Джад:

– Капитан, так дело оставлять нельзя.

– Я думаю, Джад, думаю! Спроси меня, как я их не сожгла заживо.

– Могло получиться, – заявил он. – Я видел, что ты вытворяла на экзамене стихийников.

– Это – открытое объявление войны, – хмуро заметил Граф. Я отпустила воротник Сейтарра, грозивший ежесекундно оторваться, и уставилась на него:

– У тебя есть хорошие, верные люди?

– Нет таких, – угрюмо качнул головой он.

– А пара мерзавцев, которые не прочь подзаработать?

– Всегда найдутся. Матави, что вы хотите сделать?

– Я... я не знаю. Но я думаю, что знаю. Сложно объяснить. Граф, как долго военный корабль может готовиться к отплытию?

Ульгем помялся, затем неохотно ответил:

– Если сегодня потратят весь день, завтра утром уже смогут отплыть. Верфь по эту сторону моста, так что путь к морю открыт.

– Все равно им нужно будет преодолеть еще почти тысячу миль вниз по Жемчужной, – резонно заметил Джад. – С севера там несколько преград, разводной мост у Морпина, а затем бухта Москалла, в которой тоже не все в порядке со спокойным передвижением. Начиная от Верхнего Морпина, бриг, скорее всего, сольется с какой-нибудь эскадрой¹⁶, исходя из того, что я слышал о флотских маневрах.

– Значит, у нас есть только один день, – я обвела глазами затихших моряков, нынешних и будущих, – вернее, одна ночь.

---

¹⁶ **Эскадра** – крупное соединение кораблей флота.

Глава 3. Прощание с домом

Дом на улице Тиламана Страбского – единственное место, где мне не надо ничего скрывать. Тут меня любят и не требуют никаких приятных глазу миражей. Но рано или поздно надо покидать родительское гнездо.

Я, несколько часов назад чуть не стершая зубы в крошку от застилающей глаза ярости, спокойно зашла, держа в руках заветный белый прямоугольник. Отец, курящий трубку, поднял на меня глаза и улыбнулся.

– Тави. Хорошо, что ты зашла – мать испекла такой пирог...

– Спасибо, пап. Я попробую обязательно, но зашла только, чтобы помахать рукой, – мягко улыбнулась я.

– Уже подобрала команду? Так быстро? – Он, казалось, не верил своим ушам. Даже любимый «Вестник» отложил в сторону. Все твердит, что не любит газет, а сам читает. – А деньги?

– Я сняла необходимую сумму, – успокоила я его, умолчав о том, что час назад полностью опустошила банковский счет на имя Матави Шнапс.

– Слушай, говорили, что в городе какие-то волнения, – обеспокоенно произнес он.

– Я справлюсь. Честно. Папа, твоя дочь может постоять за себя.

– И он об этом все время забывает, – насмешливо произнесла стоящая у дверного проема, что вел на кухню, Тэйме. Я подошла к ней и, встав на колени, нежно обняла за плечи.

– Плавание – это надолго, – глубокомысленно сказала она. – Вы хорошо подготовились?

– Мам, ну не начинай.

– Провиант, оружие?

Я усилием воли сдержала порыв гнева и с усмешкой ответила:

– Да там сейчас такие шустрые ребята орудуют, что к вечеру все уже будет готово.

Странно, что им не доложили о военных на верфи.

– Не отплывай ночью, Тави. Опасно же.

– Чего опасного? Мост сведен, но наш док на северной стороне. Спустим со стапелей, разобьем бутылку о борт и поминай, как звали.

– Что вы вообще задумали делать? – Отец. Всегда не упустит случая дать пару напутственных советов.

– Я обо всем уже триста раз рассказывала. Дойдем до Москалла, потом каботаж, несколько раз, а потом можно и через океан податься.

– А что за письмо?

– А, это... так, слишком привыкла общаться с командой письменно, – криво усмехнулась я, опустив конверт на стол. – Вот и вам сгоряча... да и пусть будет, все-таки не в Фэрчайлд и не в Роксомм еду, а в первый раз, да на сво-

ем корабле. Но с опытной командой.

– Я, кстати, хотел тебе вручить перед отъездом... но на ночь глядя я на верфь не поеду. Так что держи, – с этими словами отец достал из-за шкафа плотный сверток, – ты говорила, что стальные мечи мешают тебе творить заклинания. Заказал из Теджусса.

Я развернула подарок. Меч, но не из металла, а из йрвайского изумрудного стекла, невероятно прочного материала.

– Спасибо, пап. Реветь не буду, можно?

– Да, конечно, – усмехнулся он. У основания темно-зеленого, полупрозрачного клинка были выгравированы инициалы М. Ш.

Да, я обманывала родителей. Они, скажем... не заслужили того, чтоб я вывалила все факты на их бедные головы, из-за меня вечно переживающие. В письме, впрочем, обо всем подробно написано:

«Дорогие мама и папа!

Я, возможно, была не самым послушным ребенком. Но никогда не желала приносить в вашу жизнь дополнительные трудности. И вот, когда все шло хорошо, имперский флот забрал у меня корабль. Временно реквизировал, как они это называли. У меня нет возможности – и желания – выяснить все через императорские службы, посему предпочту действовать на свой страх и риск.

В моей команде собрались не самые хорошие в мире люди, но верные и надежные в бою. Возможно, роль капитана конвойного судна – вовсе не для меня. Но я отказываюсь мириться со сложившимся положением дел.

Ввиду того, что, в результате сегодняшней ночи меня, скорее всего, объявят вне закона, рекомендую публично отвлечься и лишить меня фамилии Шнапс. На мою любовь к вам это никак не повлияет, а вас спасет от многих трудностей, и, возможно, от нищеты.

За меня не волнуйтесь. В конечном итоге, я не могла получить лучшей подготовки для сегодняшней операции.

Целую, Тави»

Но конверт хитро запечатан сургучом и слабеньким защитным заклинанием, так что они повозятся, вскрывая его. И не будут иметь возможности меня остановить, ни словом, ни действием.

Я под видом невзрачного мужчины в одежде наемника зашла в оружейную лавку и выбрала несколько простых, но качественных палиц, окованных железом. Лучше, конечно, никого не убивать, но я даже за себя поручиться не могу. И применение боевой магии в городе сразу же переполошит поисковые устройства полиции. А тут какие-то вообще неизвестные субъекты.

На место встречи Джад привел двоих, одного представил,

как Густава, второго назвал Мингом. Поклялся, что эти ребята за полчаса справятся с лишними реями и вернут обратно гафель. На нашей шхуне изначально планировались только стаксели, но потом я от них отказалась ради большей максимальной скорости бакштаг. Теперь над баком реют три стакселя¹⁷, а основное парусное вооружение – три гафеля, на фок-е, гроте и бизань-мачте соответственно. Но и паруса военные умудрились испоганить, установив дополнительные реи и превратив обычную шхуну в чертов барк.

Могла ли я поступить иначе? Отступить, подождать немного... да, наверное. Но в тот момент слишком свежа была в памяти история, как корабль военного флота империи разнес едва ли не в щепки легкое прогулочное судно придворного вельможи, а потом тот ждал компенсации восемь лет. Восемь чертовых лет! Едва ли не половина прожитого мной на тот момент. А уж если дожидаться возврата того, что является новейшим кораблем в своем классе, так и состариться можно.

После обслуживания я должна буду высадить мастеров-корабелов недалеко от Верхнего Морпина, поскольку с государственными преступниками они якшаться не намерены. Только сейчас и только за большую плату.

Что ж, вольному – воля.

---

¹⁷ **Стаксель** – треугольный парус, часть парусов судна. Почти любое парусное судно оснащено стакселями, поскольку, даже если паруса прямые, два или три стакселя обязательно протягиваются от фок-мачты к бушприту, т.е., носу судна.

Сейтарр привел пятерых, трех крепких парней, одну коротковолосую рыжую девушку, все в кожаном облачении, и одного лохматого бродягу в полном рыцарском доспехе. Они явно предупреждены насчет меня – сегодня ночью никакого обмана, только открытое лицо. Очень хороший эффект должен получиться на часовых. Все с рюкзаками: самый минимум личных вещей, припасы на дорогу, снаряжение.

– Интересный мальчик, – прищурилась я. – Только воноuchий. Он мыться пробовал?

– Ямитус Зонг, – представился «мальчик». Он был не только в доспехе, но и при оружии – у левого бедра висели ножны с мечом, левой же рукой подозрительный субъект держал щит, на который были прикреплены два лезвия, одно с уклоном вниз, одно вверх. Я не выдержала и применила на него заклинание Сокрытия, после которого воздух стал заметно чище.

– Парень, если ты хочешь попасть на корабль – учти, я тебя все время заколдовывать не буду. Либо будешь смывать себя грязь и то дерьмо, в котором ты, очевидно, любишь валяться, либо пойдешь ко дну в своем железном доспехе, и пусть там рыбы тебя нюхают.

– Понял, – пробурчал он.

– Оплата – вот, – швырнула я весело звякнувший кожаный мешочек на бочку, которая отозвалась глухим стуком. Пустая. – Идем через западную окраину на верфь, обез-

оруживаем, оглушаем и связываем часовых. Весь лишний груз выкидываем, себе оставляем только то, что действительно необходимо. Кто-то знает сигнальную систему военного флота?

Никто не отозвался.

– Хреново. Но как-нибудь прорвемся, весь смысл в том, чтобы пройти до устья Жемчужной максимально тихо, без боя. Я смогу замаскировать наш корабль на непродолжительное время, поэтому будем применять магию только в случае, если встретимся с флотскими. Скорость у нас больше двадцати пяти узлов, на прямых участках с любым курсом, кроме фордевинда¹⁸ и бакштага¹⁹, мы обгоняем любой современный корабль. На упомянутых курсах нас могут догнать переделанные галеоны и фрегаты с рунным двигателем, от них и будем скрываться.

Сейтарр осторожно произнес, потирая щетинистый худой подбородок:

– У них могут быть специальные средства, чтоб видеть через маскировку. Магическую, имею в виду.

– Решаем проблемы по мере поступления. Разбирайте дубинки и пошли, – скомандовала я.

Ульгем хищно усмехнулся и достал свой огромный кусок

---

¹⁸ **Фордевинд** – курс с полным, попутным ветром. Как следует из названия, дает гораздо больше преимуществ кораблю с прямыми парусами

¹⁹ **Бакштаг** – курс при угловом ветре с направления кормы. Выделяют полный бакштаг, близкий к фордевинду, и крутой, который по характеристикам больше напоминает боковой ветер, галфвинд.

железа. Я скривилась, наблюдая за его действиями:

– Граф, нарвемся на патруль – нам плохо будет. И не потому, что не справимся, а потому, что начнется переполох. Все оружие под накидками, изображаем задумчивую пьяную компанию.

– Эт можно, – расслабленно протянул Сейтарр и запел хриплым голосом:

На суровом море Нурменгола
Где дышать едва хватает сил
Над своею долею тяжелой
Царь Толнумра в лодке голоси-и-ил.

– Что за бред? – фыркнул Джад. Сейтарр прервался на мгновение и пояснил неучу:

– Это королевство такое было, там, где сейчас Консьеген. Толнумр. Говорят, в нем правили марды, и тогда они еще жили на земле, а не под землей. А все, что между западным берегом Консьегена и островами Майхем-Беллауз, называлось Великим морем Нурменгол. И вообще, хватит меня перебивать.

Перебита гвардии дружина
Генерал пал от стрелы в груди
Вроде царь и сам еще мужчина
Но на врагов
Хоть с голой задницей

Иди

– Нескладно, но сойдет, – шепнула я, улучив момент. Он кивнул и продолжил орать, голоса особого нет, но громко и не фальшиво.

Ни одного патруля, вообще. Даже пение не привлекло. Хочешь что-то спрятать – прячь на виду, никто не найдет. К верфи мы прошли без сучка и задоринки, а дальше...

Наемных охранников отца сменили дюжие бугаи в латах. Оба люди, но здоровенные, еще и с руническими защитными лентами. Магией не оглушишь. Вообще, эти ленты в последнее время приобрели большую популярность среди грайрувских вояк. Оно, значит, как – не можешь колдовать сам, сделай так, чтоб никто не околдовал тебя. Здравая позиция. Очень неприятная конкретно в данный момент, но здравая.

У нас всего один стрелок, но с хорошим оружием.

– Сейт, – шепнула я. Одна из фигур в темных накидках с капюшонами подобралась ко мне. У него и свой горб небольшой имеется, из-за сутулости, а с арбалетом на спине вообще очень странно выглядит. – Сможешь снять солдат отсюда? Слишком много возни будет, если вступим в рукопашную.

– Одного – смогу. Двух... не уверен, видишь, они даже не зевают. Явно выпалились перед ночным караулом.

– А я – нет, – зевнул Граф. Я шикнула на него:

– Твои проблемы. Кстати, Граф... можешь притворить-

ся совсем пьяным? Пройдешь мимо них и оглушишь второго мечом плашмя. Сейтарр, как только он потянется к мечу, стреляешь в первого, открываем ворота и утаскиваем солдат внутрь.

– Запрет на убийства?

– Отменяется. Если будем медлить, нас надолго упрячут либо в тюрьму, либо на каторгу. И неизвестно, что еще лучше.

– Как по мне, тюрьма лучше, – пожал плечами интендант, тихо взводя арбалет, – но тут – кому что больше по нраву.

Шатающейся походкой Ульгем двинулся к воротам верфи, деланно сгибаясь под тяжестью меча, который он повесил через плечо все на той же веревке. Стражники покосились в его сторону, один усмехнулся, второй насупился, поправил тяжелый изогнутый шлем и повернул голову в другую сторону. Улица была пустынна, а мы находились в полной тени. Собственно, в тени были только мы с арбалетчиком, остальные спрятались за углом дома.

Все произошло слишком быстро, чтобы вносить какие-либо изменения. Граф выдернул меч и одним движением смахнул голову солдата с плеч, в это же время в горло второго вонзился болт, и он сполз по стене, хрипя, пытаясь пальцами ухватиться за короткий хвост снаряда, но безуспешно. Я лишь застонала от досады. Очень, очень плохо все начинается. Спрятав в ножны выхваченный было меч, я хлопнула ладонью по углу дома и помчалась к воротам, спе-

ша убрать тела до того, как их кто-то заметил. Мы затащили солдат внутрь, я снова опустила большой деревянный засов и, развернувшись, обнаружила, что Сейтарр вытряхивает отрезанную голову из шлема.

– Фу, – мое лицо весьма красноречиво показывало, насколько мерзким делом он занимается, – зачем он тебе?

– Хороший шлем же, чего добру пропадать? – возразил он. – Только помою потом, и можно носить.

– Тогда и латы снимай. Да и штаны, чего уж там, – поддел его Джад. Сейтарр надменно ответил:

– Латы моряку не положено, а штаны у меня и свои имеются.

И продолжил самозабвенно вытряхивать голову. Основная часть отряда ушла вперед, к третьему доку – у него нет никакой отдельной охраны, только широкие ворота, прикрывающие часть обводов корабля, которые стянуты цепью. В цепь продет замок. Хе-хе. Здравствуй, замок.

– *Ллинен.*

Наверное, «ллинен» в переводе с языка Древних означает «здравствуй, замок». Он распался на части, освободив цепь, я поспешно ее размотала и открыла ворота. На носу тускло поблескивали буквы «Гремящий».

– «Гремящий», мать его за ногу, – с чувством высказалась я. Повернула голову к Мингу и Густаву:

– За сколько управитесь?

– Полчаса. Минут сорок максимум, капитан.

– Работайте.

Низенький, плотный Густав только кивнул и полез наверх, тяжело перевалившись через борт. Несмотря на телосложение, лазит как кошка.

– Сейтарр, осмотри двигатель, – раздавала я указания. – Зонг, можешь проверить вооружение?

– Слушаюсь, – кивнул он.

– Джад... что бы тебе такого придумать?

– Я лоцию реки захватил. Так, на случай, если ты вдруг забудешь, – ехидно доложил Стефенсон.

– Отлично, бери фонарь и прокладывай курс. Вы трое, – обратилась я к людям, приведенным Сейтарром, – умеете работать с гафельным парусом?

Парень, тот, что повыше, и рыжеволосая девушка кивнули, третий помотал головой. Махнув рукой, я обнадежила:

– Научишься, если припрет. Пока что в помощь Сейтарру. Остальные к мастерам, принимайте реи.

– Есть.

Все команды отдавались негромко, дабы не привлечь кого-то с улицы. В общем-то, мы в любом случае поднимаем шумиху, так как столкнуть шхуну, особенно трехпалубную, в воду – задача громкая и неизбежно привлекающая внимание. Однако до того момента мне хотелось бы все держать в тайне.

Сухой док делается с таким расчетом, чтоб в итоге вывести корабль на воду. Для подобной операции пол сделан на-

клонным, уходящим в воду, корабль ставится на специальные тележки, и по рельсам съезжает вниз. Поскольку любое судно обладает значительным весом, тихо не получается.

Сверху появилась голова Сейтарра:

– Двигатель в порядке! Тави, то есть, капитан, нижние палубы загружены какими-то ящиками...

– Потом. Что не понравится – скинем в воду. Да здравствует возвращение частной собственности законному владельцу, – ухмыльнулась я, поглаживая рукой дерево корпуса. Интересно, можно ли как-то заколдовать шхуну? Мол, чтобы она по первому зову сама приплывала... нет, у меня жар, наверное. Зачарование сложных предметов из разнородных материалов? Какой бред.

Парусные мастера наверху работали быстро и слаженно. Хорошо, что саму мачту военные не трогали, установили реи поверх предыдущих креплений, на вершок выше, а на реях замкнули ракс-бугели²⁰, которые и поддерживали тяжелые паруса. И реи, и сами паруса помощники сложили вдоль борта – пригодятся еще. Затем установили гафель, более короткий бизань-гик²¹, прoderнули шнуры через систему блоков и сбросили их вниз. Обновление рангоута²² они произве-

---

²⁰ **Ракс-бугель** – передвижное крепление в виде кольца с крюком, служит для подъема и спуска парусов.

²¹ **Бизань-гик** – нижняя подвижная часть крепления гафельного паруса.

²² **Рангоут** – общее название всех устройств для манипуляции парусами, т.е., мачты, гафели, гики.

ли за минут тридцать – шхуну, для примера, строили два года. Ой, не верится мне, что заминки были только в деньгах...

Единственная шлюпка по-прежнему стоит под баком. Хорошо, хоть ей название пафосное не придумали.

– Все готово, капитан, – доложил Густав, неприязненно оглядываясь на окружающий его народ. Правильно. Меня можно и потерпеть, я деньги плачу. А с этими, которые сброд, невежи и вообще, знаться он не желает.

– Остальные? – спросила я. Лучше перебдеть.

– Наверное, здесь хотели перевозить целый полк, – хмуро сказал интендант. – Провизией на треть забита вторая палуба, ящики еще не вскрыли, но, судя по пометкам, там может быть снаряжение. Оружие – вряд ли, его доставляют в последний момент.

Я злобно ухмыльнулась:

– Использовать мою шхуну как транспортный барк? Да еще и с названием «Гремящий»?! Сейтарт, напомни мне при случае найти того, кто несет ответственность за данное решение. Я откручу ему голову, лично.

Сбросив вниз еще одну веревку, мы вместе с Джадом опять спустились на землю, подошли к опорным тележкам. Я хитро посмотрела на него – Стефенсон явно пребывал в глубоких сомнениях. Мол, зачем и почему.

– Не будешь жалеть потом? – подстегнула я. Он вздохнул:

– Ага. К черту. О стандартной оплате, я так полагаю, можно забыть?

– У меня еще остались деньги. Но, когда они выйдут, придется подумать об иных видах заработка. И выбора у нас особого нет – никто не позволит так просто убить двух моряков с имперского флота, а потом спокойно работать. Пропажа корабля укажет прямо на меня, а вместе со мной и на всех, кого видели рядом.

Подкатав рукава плаща, я взялась за рычаг тележки, и рядом за второй, точно такой же, взялся мой первый помощник.

– Дергаем на «три». Готов? Три!

Стапели, в большинстве мест уже просто прислоненные к корпусу, гулко попадали на твердый пол дока. Металлические колеса гулко забухали на стыках рельс, все чаще и чаще, пока шумный всплеск и волна, докатившаяся почти до моих сапог, не ознаменовали спуск на воду моего первого корабля.

Шлюпка с парой гребцов нас сразу же забрала и снова удобно уюстилась на законном месте, подтянутая с помощью кран-балок. Даже со всей возней оно того стоило – наблюдать, как шхуна сходит в воду. Божественное зрелище. Корабль поднимает высокую волну, летят брызги, и, в довершение ко всему, сквозь брызги проходит лунный свет, превращая их в капли раскаленного серебра. Правда, река не то чтоб совсем чистая, хоть сброс отходов промышленности и запретили – у бортов образовалась неопрятная борода из белой пены. Как будто мало у меня забот, еще и о чистоте Жемчужной думать.

Я собрала команду возле юта, уселась на верхнюю ступеньку и обратилась к ним:

– Что ж, поздравляю, господа. Теперь мы вполне официально – беглые преступники на корабле.

– Пираты? – переспросила рыжая. Сейтартр ткнул ее кулаком в плечо:

– Дура ты, что ли? Пиратами нам еще только предстоит стать.

Кашлянув, я продолжила:

– Сейтартр абсолютно прав. Пираты – те, кто использует для грабежей, разбойничьих набегов, пересмотра груза торговых судов в свою пользу, восстановления попорченной справедливости, освобождения портовых купцов от лишних денег...

Джад ехидно кашлянул, но промолчал.

– ...и прочих важных, увлекательных, и, несомненно, прибыльных вещей корабль. Теперь он у нас есть. Я – ваш капитан, Тави. Поскольку сегодня утром – или уже вчера? – я оставила отцу некоторые инструкции, родовые поместья и фабрики мне теперь не светят. Впрочем, они мне и не нужны. Потому – без фамилии Шнапс. Прошу любить и жаловать, кто не будет проявлять любви (или хотя бы почтения) в должном объеме, может сразу сходить на берег. У кого есть убеждения по поводу незаконных действий – туда же.

Возражений не последовало, поэтому я приступила к заключительной части:

– Джад Стефенсон назначается первым помощником и навигатором. Сейтартр – квартмейстером²³ и старшим в стрелковой команде, к нему в постоянное подчинение новичок, который не умеет обращаться с парусом. Граф – наш врач, если кто занозит палец, обращайтесь к нему, он с удовольствием устранил причину боли. Палец, естественно. Я за штурвал, рыжая... тебя как зовут?

– Чинка.

– Чинка временно старшая в парусной команде.

Она помялась немного, затем возразила:

– Капитан, Деррек гораздо лучше управляется с гафелем. Я лучше буду у него на подхвате.

– Деррек – временно старший в парусной команде. По местам!

Длинноволосый кивнул.

Откуда-то из глубины корабля донесся ужасающий скрип. Прямо кровь стынет в жилах. Я испуганно посмотрела на Джада, тот тоже вертел головой по сторонам, пытаясь понять, что не так. Шхуна вроде бы держалась на плаву, никаких сотрясений.

– Джад, давай с Чинкой на вторую палубу через ют, я посмотрю на первой, – решила я, понимая, что времени может быть мало. Что, что сейчас, когда мы уже на воде, могло пой-

---

²³ **Квартмейстер** – тот, кому положена четвертая часть общей добычи на пиратском корабле. Поскольку в дальнейшем подобный принцип не используется, капитан упоминает подобную должность в шутку.

ти не так? Меня неопределенность и неизвестный характер повреждения пугали больше, чем даже сам факт его возникновения.

Сейтар, тем не менее, прервал мои метания, подняв руку с открытой ладонью. Он стоял возле люка, ведущего на первую палубу, и вглядывался в темноту.

– Капитан... на минутку.

– Что там еще стряслось... – пробормотала я, но подошла к нему. Скрип повторился, новоизбранный квартирмейстер указал жилистым, узловатым пальцем во тьму:

– Я, кажется, знаю, что у нас сломалось.

На груде ящиков, закрытых, почему-то, рыболовной сетью с ярко раскрашенными поплавками, растянулся Ульгем, некогда Ульгем де Рьюманост и оглушающе храпел во всю мощь своего большого носа. Храп резонировал от перебо-рок, из-за чего на выходе получался страшный звук, не уступающий по морозу в жилах какому-нибудь морскому чудовищу.

– Да, – удивленно сказала я, – графский храп – оказывается, страшная сила. Почтище магии. Джад, когда будет время, оббей лекарскую каюту одеялами. Я не хочу слушать *это* каждую ночь.

– Капитан, может, мы его просто выкинем? – предложил Стефенсон.

– Нет, – отрезала я. – Просто выполняй приказы. Деррек – поднять паруса!

Глава 4. Вниз по течению

Что теперь красуется на носу? Правильно, нормальное название. Как можно назвать корабль «Гремящим»? Чистой воды идиотизм – он же не гремит во время покорения водных просторов, не скрежещет и вообще не издает никаких звуков, кроме традиционного шелеста такелажа и, иногда, редкие выстрелы парусов на сильном ветре. Как аплодисменты. Все равно, что назвать скаковую лошадь... ну, Гнездом. Просто как пример дурацкого названия, что не ассоциируется ни с рациональностью, ни с чувством юмора.

А мой корабль теперь называется «Храпящий», спасибо Графу. Его перетащили в докторскую каюту, причем он так и не проснулся, но звуки стали заметно тише после того, как мы плотно закрыли дверь. Краски парни так и не нашли, пришлось просто сбить часть букв и нарисовать недостающие обугленной деревяшкой – вышло неказисто, но теперь имя подходило кораблю, предполагаемой деятельности и лично мне. Джад остался недоволен, но кто ж его спрашивать будет?

Да, шхуна – это она. Но корабль ведь – он? Да и как-то не сразу подумалось, честно говоря, а решение уже приняли.

Новые буквы сделаем в том же Москалле, а лучше, всю надпись сразу. Главное, успеть проскочить Морпин, там очень удобное русло для того, чтоб устроить засаду –

несколько островков, да еще и второй рукав реки. Сомневаюсь, что вестовые смогут добраться до него быстрее, чем мы, пропажа обнаружится только сейчас, поутру. У нас есть около десяти часов форы, за которые мы отошли от столицы где-то на двести пятьдесят морских миль. Больше двухсот восьмидесяти обычных.

Вообще, я ненавижу грайрувские меры длины. Если когда-то переселенцы занесли каждый свою, а потом все стало единым целым, то, надо заметить, до сих пор никто не удосужился подогнать их под единый стандарт. В футе семь вершков, в аршине два с третью фута, в метре три с третью фута, либо аршин и фут без полвершка. В миле пять с лишним тысяч футов или тысяча шестьсот метров, а в морской – уже шесть тысяч футов. Причем, с идиотской системой мер соседствует относительно нормальная система весов, а с ними рядом стоит стройный и расчерченный до секунды календарь. Восемь месяцев по пятьдесят дней, год – четыреста дней. В дне – двадцать часов, в часе по шестьдесят минут.

Нет, наверное, календарь обсуждали люди, а остальные меры – демоны Ниста, есть у меня подобное ощущение.

Загадочные ящики вытащили на верхнюю палубу. Двенадцать больших и тяжелых, один продолговатый футляр из лакированного дерева размером в две головы, несколько плоских ящиков с крышками и замками, окованных в придачу железом.

Я зафиксировала штурвал, поставив руль в прямое поло-

жение, и с любопытством посмотрела вниз. Первый помощник возился с ломиком, который, видимо, прихватили еще на верфи. Поднял голову и посмотрел на меня:

– Капитан, вы не могли бы помочь?

– Ай, немощь. Дай сюда, – легко прыгнула я с юта и отобрала у него железяку. Уперлась сапогом в грубо оструганные доски и поддела крышку, сильно надавив. Гвозди жалобно скрипнули и отошли, обнажая содержимое.

– Возвращаю свои слова обратно, – сказал Джад, ухмыляясь и проводя пальцами по тонким усам, – если в остальных такой же груз, мы уже вполне состоявшиеся пираты.

В ящике лежали, аккуратно упакованные и стиснутые ремнями так, чтоб было больше места, комплекты доспехов. Обычные доспехи армейского образца, что ничуть не уменьшало их стоимости – за хорошую броню можно до пятнадцати варангов получить. Осталось только придумать, как и где их сбыть, желательно, конечно, не на территории Грайрува. Неплохая компенсация за риск. Подошел Деррек, мы с ним вскрыли остальные деревянные коробки – все то же самое. Нагрудники, шлемы, сапоги, одного вида и с уже нанесенными эмблемами.

– Плохо, – сказала я, рассматривая имперский герб в виде коронованного щита, внизу которого штампом нанесены три жемчужины. «Грайрув», в общем-то, и обозначает «Серый жемчуг» в переводе с языка Древних. Причем, что за серый жемчуг, не знает никто, а посему придумывают всякие

артефакты божественной мощи и драгоценности миллиардной стоимости. – Мы не сможем сбыть их ни в Морпине, ни в Москалле.

– Я могу проложить курс на Шни Ауге, – предложил Джад. Я покачала головой:

– Формально, это все еще империя. Надо думать в направлении Ургахада, только там не будут смотреть на гербы и звания.

– Ага. Сделаем. Нам сейчас Двойную реку бы проплыть спокойно. А что в том футляре?

– Не знаю, но слишком он дорого смотрится по сравнению с остальным грузом. Проверю-ка я его на магические ловушки, внутри явно нечто ценное.

Жемчужную часто еще называют Двойной рекой или Сквозной. Это единственная река в мире, у которой два устья, причем в одно, то, что в Ледяной бухте, вода *втекает*. И еще миль сто пятьдесят остается соленой, а потом переходит в пресную. Вопреки всем законам природы.

Я несколько минут исследовала лакированный ящик, простучала его костяшками пальцев, затем просмотрела Вторым зрением – ничего. Даже машинально проверила, не иллюзия ли.

– Вроде безопасно. Но я все равно предлагаю взять длинную палку и аккуратно открыть.

Так и сделали – подхватили багор, валявшийся возле свернутой бухты корабельного троса, и концом острия при-

подняли крышку. Никакой защитной реакции, свечения, всплеска, брызг, огня... ничего. А внутри...

– Затрудняюсь сказать, что это, – удивленно сказала я, почесав переносицу. Предмет внутри напоминал осколок стеклянной вазы, но не отбитый, а аккуратно срезанный. По краю виднелись руны, некоторые из них я даже могла узнать, поскольку в свое время листала «Малую энциклопедию магических рун». Но общее назначение предмета оставалось неясным.

– Смотри, тут какие-то ремешки...

– Руки! Руки сейчас, блин, оторвет, чем штурвал будешь крутить?

– Зубами. А вообще, найдем рулевого, и пусть крутит, – не растерялся Джад, все пытаюсь ощупать неизвестный артефакт. Я хмыкнула:

– Хорошо, что не другим местом. Чинка, иди за штурвал пока что.

За нашими спинами, зевая и потягиваясь, появился Граф при парадном мече. Он у него один так-то, сойдет и за парадный, и за повседневный. И, если свая, подпирающая палубу, сломается, можно туда его меч поставить – по размеру в самый раз будет.

– Как я замечательно поспал, – позевывая, поделился он с нами впечатлением от первой ночевки на корабле, названном в его честь. Правда, об этом мечник еще не подозревал.

Джад на секунду оторвался от созерцания лакомого арте-

факта и задал ему вопрос:

– Граф, а Граф.

– М-м-м?

– Как тебя угораздило вообще остаться в экипаже, когда Тави подрядила нас на подобный грабеж? Я вот только сейчас подумал. Ты ж, это, бывший дворянин и все такое. А тут прямое противодействие имперской солдатне. И голову ты ему смахнул, особо не задумываясь.

Тот еще раз зевнул и окончательно разлепил сонные глаза:

– Начать следует с того, что дворянин я не грайрувский.

И вообще больше не принадлежу к дворянскому роду. Посему вертикаль власти в империи меня не слишком волнует. А, во-вторых, человеческая жизнь – монета разменная, мастер Джад. Солдатам, собственно, за то и платят, чтоб они во имя родной страны жизнью рисковали.

– Какой цинизм, надо же, – покачал головой первый помощник, но в глазах плясали веселые чертята. Глаза у него темно-синие, как глубокое море. Правда, становится заметно, только если он чему-то удивляется.

Граф почесал мясистый нос, ничуть не смущенный таким вниманием к своей персоне, и ответил на шутливый выпад:

– Любое собрание аристократов – банка с пауками почище уличной банды. У бандитов есть хотя бы какие-то представления о чести, а дворяне, особенно грайрувские, считают себя выше любых правил, кроме законов империи. И то, не пойман – не вор, как говорится. Не в обиду, Матави.

Я фыркнула:

– Как будто учтивость слов – то, что меня волнует больше всего. Не хочешь что-нибудь выбрать из снаряжения, док?

– А что там? Латы? Фу. Боец не должен ограничивать себя в подвижности, а риск получить раны... надо тренироваться так, чтоб их не получать, – расслабленно высказался Граф, смотря куда угодно, только не на ящики. Видимо, выказывал демонстративное презрение. Джад заметил:

– И, тем не менее, капитану ты проиграл.

– Значит, мало тренировался, только и всего. Кроме того, не могу не отметить, она родилась с мечом в руке.

– И с магией кое-где еще, – подметил Стефенсон. Я ответила ему легкий подзатыльник:

– Я стала хорошим магом не потому, что у меня все выходило само собой, а благодаря сидению в библиотеке академии целыми ночами. Если б ты прикладывал хоть немного усилий, то продвинулся бы значительно дальше, чем первый курс.

– А... – насмешливо произнес Граф, – я просто хотел спросить, не придется ли мне защищать нашего первого помощника в случае схватки. Если он маг – тогда вопрос снят.

– Себя защищай, сэверзлу²⁴ разодетый, – проворчал Джад. Объект его мимолетной неприязни снова сменил одежду, на этот раз он выбрал черные брюки из плотной ткани и красную с черным рубашку. Бьюсь об заклад, у него полный за-

---

²⁴ Сэверзлу – птица с ярким оперением.

плечный мешок этих рубашек, различных цветов и оттенков.

Не то чтоб у меня были претензии...

Сейтарр тоже принял участие в разборе ящиков и теперь стоял, подтягивая ремешки на доспехе из плотной кожи. Ниже пояса он, тем не менее, никак не защитился – все те же потрепанные грязно-зеленые полотняные штаны, залатанные в нескольких местах, и снова без сапог. Внешний вид получился весьма странным: латный шлем, с классической дугой вместо полей, острым клином впивающейся в небо, защищенный торс и плечи, уличный оборванец от пояса и ниже.

Я укоризненно посмотрела на него. Он развел руками:

– Так удобнее, капитан. Попробуйте сами – босыми пятками лучше палубу чувствуешь.

– Если ты босой пяткой наступишь на гвоздь, я тебя лечить не буду.

– И я не буду, – прокомментировал Граф. Сейтарр ухмыльнулся, поправляя шлем, тот самый, взятый у поверженного стражника:

– Значит, такова моя судьба.

Остальные члены экипажа тоже не пожелали облачаться в металл. С одной стороны, я их отлично понимаю – свалишься за борт в латах, можешь даже прощальное «Буль» не успеть произнести. С другой, нам предстояло пройти по реке, на некоторых участках которой мы гарантированно встретили бы корабли флота, и даже целые их соединения. Деррек урвал себе вторую броню из кожи, остальным не до-

сталось ничего. Все же в больших ящиках, в основном, был металл.

В широких и плоских оказались какие-то камни, стройными рядами выложенные в специальных углублениях. Ниши еще и выстланы мягкой тканью, зачем такие почести? Я повертела в руках один из камней и обнаружила на нем руны и фиолетовую пометку, сделанную небрежно, краской, в стороне от руны.

– Вот те на, – присвистнул интендант, взглянув на мою находку. – Это ж целый арсенал.

– А какой из них что делает? – спросила я, чувствуя собственную беспомощность.

– Не знаю. Может, проверим?

– Их мало. Смотри, с синей меткой вообще всего два.

– Красных восемь штук. Можно один запустить в сторону берега и посмотреть, что будет.

– А если их как-то активировать нужно? Выкинем нужную вещь.

Он согласился:

– Тогда оставим до лучших времен. Найдем рунного мастера, выясним.

Я возразила, возвращая камень на место и аккуратно закрывая крышку:

– Лучше купить справочник по рунам. Сами разберемся, а показывать такое законопослушному гражданину – хлопот не оберешься.

Камни, по легендам, являлись страшным оружием грай-рувского флота. Однако все, что было с ними связано, хранилось под строжайшим секретом – породу камня в сочетании с руной знали только ремесленники, приписанные к штабному составу, да артиллеристам объясняли, какой для чего служит.

Запускаются они, если правильно помню, с помощью бортовых баллист. Ну да, у них и сменная тетива с дугой имеется. Одна для стрел, другая для камней. Вот уж повезло, так повезло. Теперь, если нас поймают, то не повесят сразу, а вначале обварят или сдерут кожу живьем. Последний вывод я озвучила вслух, и команде он страшно не понравился.

– А чего вы ждали? – ехидно сказала я, обзорева недо-вольные лица. – Можете уже начинать коллекционировать список преступлений, за которые нас ждет смертная казнь. За кражу секретного оружия – точно, могу дать гарантию. Кто не верит мне – можете на своей шкуре проверить, мне моя еще дорога.

– Может быть, камни можно как-то продать? – предположил Джад.

– Ургахаду разве что. Но с владыкой я пока что вообще не хочу иметь никаких дел. Хватит мне и нашего всемило-стивейшего Варанга. Мне он только в одном виде нравится – на обороте монеты, носящей его имя. И, чем больше таких забавных кругляшков, тем лучше, – поделилась я собственными предпочтениями. Сейтарр согласно закивал:

– Капитан, с такими рассуждениями я вас почти люблю.

– А меня не надо любить, мне надо подчиняться, – ухмыльнулась я. – Тогда будем жить интересно, счастливо, и почти наверняка – купаться в золоте.

Морпин прошмыгнули без лишних приключений. Густав и Минг сошли в условленном месте, где Жемчужная расширилась еще на полмили, говорят, даже у истоков она больше похожа на полноводную реку, чем на робкий ручеек, неумело пробивающийся из-под земли. Слухи, конечно – значит, где-то позади стекают те самые ручьи, что и образуют реку. А здесь, когда к ней присоединилась еще сестра, Шеккельтерц, неудивительно, что с одного берега не видать другого.

К тому же, мой первый помощник перестал заморачиваться с лодиями на давно изведанной Жемчужной реке, и занялся расписаниями дежурств, а также прочими необходимыми вещами. Пока нас слишком мало, придется оставлять на палубе по три человека, но такелаж сделан настолько хитро, что с двумя гафелями может управляться всего один человек. Хотя три – гораздо лучше.

Если кого волнует судьба Ямми – на него вылили бочку с водой, когда он поднимался с нижней палубы, после чего парень решил, что настал тот самый звездный час, вытряхнул себя из доспехов и ушел мыться.

Да, на моей шхуне есть простенький душ. Чего так удивляться? Опреснение воды для опытного мага – дело одного

жеста, если речь идет о бочках. Сделать Жемчужную соленой или океан Оси пресным не под силу, пожалуй, даже первому-плюс. Так что водой мы обеспечены всегда и в больших количествах, что весьма разнообразит рацион, да и корабельную жизнь, в общем.

Тем не менее, не для всех корабельная жизнь – здорово и замечательно. В гости зашел туман, день и так выглядел не слишком солнечным, а теперь дистанция прямой видимости сократилась до двух сотен метров. Очертания берегов можно было рассмотреть весьма приблизительно, а редкие проплывающие корабли старались огибать нас по большой дуге, чтоб не столкнуться в тумане. Впрочем, как и мы их. Но одно судно все же привлекло внимание.

Трехмачтовый корабль явно военного образца с прямыми парусами и характерным вздутием двигателя в районе кормы (не берусь утверждать из-за тумана, но, кажется, это был барк) стоял на якоре почти посередине реки. Нам пришлось огибать его, но сбоку взору открылась удивительная картина. Правда, не удивился никто, кроме меня.

– Что за черт... – удивленно сказала я, вглядываясь в белесый саван, так некстати накрывший реку. Сейтарр тоже прикипел к борту, но его взгляд выражал, скорее, негодование.

– Морское правосудие, – скрипнул зубами он.

Речное, я бы поправила. Да вот сильно заинтересовалась происходящим.

По тонкой доске неспешно шел парень, явно выделя-

ющийся из окружающей его толпы форменных мундиров и блестящих мечей. К его шее был привязан зловещего вида булыжник, тщательно обмотанный веревкой, который сейчас покоился на руках, как будто осужденный качал тяжело-го, непослушного младенца.

– Они его что, сейчас, топить будут?

– Юридически – имеют право, – злобно ответил Сейтартр. Чем-то ему явно насолил флот, слишком вызывающе для обычного бродяги ведет себя. – У флота очень много вольностей, даже больше, чем у пограничных подразделений.

– А ты сам разве не в пограничниках служил? – усомнилась я в искренности подчиненного.

– Да когда это было... блин, сбросят же его.

Я хмыкнула:

– И что ты мне предлагаешь? Напасть на корабль, превосходящий нас по численности команды раз в пятнадцать?

– Ну... капитан, вы же владеете магией.

– Да, ее нельзя недооценивать. Переоценивать – тем более. Я действительно могу потопить барк. Однако, только в том случае, если на нем нет никакой дополнительной защиты, в чем сомневаюсь весьма и очень. На малой дистанции нас просто зацепят из гарпунного орудия и возьмут на абордаж, после чего покрошат в мелкую капусту.

Парня тыкали со всех сторон стальными остриями, не оставляя ему пути к бегству.

– Разве что ты мог бы как-то отстрелить веревку.

– Как? – беспомощно оглянулся на меня интендант. – Я же ему легкое прострелю. Или шею. Качки нет, прицелиться легко, но я же его пристрелю. Освободив от мук, бесспорно.

– А если он грохнется с камнем в воду, сумеешь как-то перерезать веревку?

– Стрелой?

– Нет, ножом. Думай быстрее, твоя идея его спасти пока что выглядит идиотизмом.

– Я нырну и попытаюсь. Капитан, вы что-то придумали?

Пряча выдвинутый было меч обратно в ножны, я проворчала:

– Будем считать, что да. Подашь сигнал камышовой уткой. В воду!

Способ, выбранный моим беспокойным разумом, отнюдь не тянул на звание наилучшего плана. Но времени на размышления не оставалось – преступник как раз делал свой последний шаг в глубокие, гостеприимные воды Жемчужной.

Сейтарру предстояла сложная задача – нырнуть у кормы так, чтоб его никто не заметил, воспользоваться суматохой и быстро проплыть дистанцию в тридцать метров, разделяющих наши корабли. Я же могла сделать одновременно две вещи. Первая – удерживать вес камня, не давая узнику пойти на дно. Вторая – создать суматоху. И здесь пригодился Дух Мавен – безвредное, в общем-то, существо, которым часто любят запугивать студентов Коллегиальной Академии перед

экзаменами. Конечно, осваивая навыки мага-иллюзиониста, я не могла не изучить вызов данного образа.

А сейчас... слегка изменила формулировку, сделав его облик огненным и подпитав мощью, заставляя раздуться в размерах до целого корабля. Целая свора военных моряков попятилась, крича от ужаса, некоторые падали, и их тут же стаптывали более везучие, но сами спотыкались о товарищей. Засвистели оба орудия с носа брига, не нанося никакого вреда призраку, но едва не проделав дырку в одном из наших парусов – команда едва успела ослабить натяжение тросов.

Я начала ощущать, как нелегка бывает карьера мага-афериста. Поддержание двух действий одновременно требует недюжинной концентрации, но над рекой задрезжала крикву, и я с облегчением отпустила камень. Пока демон навел панику (я подожгла парус небольшим направленным заклинанием, чтоб его присутствие ощущалось, как реальное), мы отошли на несколько сотен метров. Дальше я натравила вызванное кошмарное существо уже на «Храпящего», чтоб не возникало сомнений – мы тоже стали жертвами неведомой магии.

– Кричите, ну, – беззлобно протянула я, смотря на Чинку и Балбеса, того, кто не умел работать с парусами. Они открыли рты и оцепенели, смотря на призванный мною ужас, мне пришлось подойти к девушке и прервать ее игру в «морская фигура, на месте замри», похлопав по плечу. Вот тогда она завизжала очень натурально, сбиваясь на хриплые нот-

ки, к ней присоединился второй мартовский кот. Я иногда включалась в оркестр с криками «На помощь!», но флотские почему-то не решились тронуться за нами.

А потом шхуна мошенников, преследуемых живописно выглядящим демоном, пропала в тумане.

Спасенный сидел на палубе и отплевывался, потирая руки. Они у него, оказывается, были как-то хитро привязаны к камню, так что Сейтарру в суматохе пришлось полосовать нещадно, нанеся парню несколько неприятных порезов. На другой чаше весов, правда, смерть, принесенная методом захлебывания речной водой, что отнюдь не воодушевляло. И все же он бросал на нас крайне недружелюбные взгляды.

– Чего вы от меня хотите? – резко сказал смертник. Высокий, даже сидя, молодой еще, на вид и двадцати не дашь. С огненно-рыжей шевелюрой и «шкиперской» бородой во всю нижнюю челюсть, коротко подрезанной, цвета темной меди. Многочисленные рубцы и ожоги на бледной коже красноречиво твердили о характере экипажа, пленившего его. С другой стороны, следовало сначала узнать, за что его хотели казнить – возможно, нам совершенно не по пути.

Я подтащила поближе один из пустых ящиков, аккуратно сложенных у юта, и уселась на него, забросив ногу за ногу. Меч доставать не стала, и так хорошо выгляжу в сочетании с неотразимой клыкастой улыбкой.

– Для начала, хочу услышать благодарность за прямую

конфронтацию с имперским флотом. Что ты за птица такая, раз член моего экипажа загорелся желанием тебя спасти? За что тебя осудили? Нет, даже не так. Давай начнем с имени, как нормальные, цивилизованные люди.

– Ксам. – Кажется, слова из него придется выдавливать по одному слогу.

– Тави. Капитан «Храпящего». Человек с ножом – Сейтартр, ты ему, кажется, должен не одну бутылку крепкого. За идею и частичное исполнение.

– Спасибо, – буркнул рыжий. Чинка, по сравнению с ним, не рыжая, а какая-то грязновато-бурая. Мелкие кудри огненного цвета сейчас плаксиво свисали впереди, как будто частично переняли настроение их обладателя.

– Хоть что-то, – хмыкнул Сейтартр. – Вот так, спасаешь жизни, а потом тебя еще и прирежут ночью в благодарность.

– Не буду я никого резать, – помотал головой парень, сложив ладони у подбородка и неестественно выгибая пальцы в обратную сторону. – Я арсенал ограбил.

– Уж не тот ли арсенал, что...

– Тот. Я про камни волшебные мангаю хорошо, – поделился Ксам, – вот и решил прихватить себе немного на жизнь, чтоб потом продать. А мне припаяли государственную измену.

– Бедный ты, несчастный, – притворно вздохнула я, в то же время понимая, что он все еще не отошел от близкого знакомства со смертью. – Жрать будешь?

Он утвердительно кивнул. Я отправила Деррека за кастрюлей, в которой еще оставалось каши на несколько порций, и принялась наблюдать, как рыжий поедает угощение. Обычный деревенский парень, без каких-либо манер или изысканности. И вор, к тому же. Покончив с трапезой и умяв все, что оставалось в посуде, выскребая ложкой остатки крупы, он сыто рыгнул и поднялся на ноги.

– Скажу честно – я сначала думал, что попал к торговцам людьми.

– Зачем тогда такие сложности? – резонно возразила я. Он усмехнулся:

– Это мне в голову не пришло. А потом чуть напряг мозги – зачем кому-то спасать осужденного на смерть? Тем более, выцарапывать из цепких лап флота. Я еще жудикара по яйцам пнул, перед тем, как меня выпустили погулять по доске, – он мечтательно закатил глаза, видимо, смакуя момент.

– В счет долга за спасенную жизнь могу предложить место в команде. Народа у меня мало, каюты пустуют. Кто такие жудикары?

– Вроде судей, только приписанных к кораблям. Редкая должность, только на крупных военных судах есть. Тем сильнее ценность отбитого хозяйства, – хохотнул он, – а насчет места в команде, я даже не буду спрашивать, кто вы такие и чем занимаетесь.

– Почему? – любопытствовал Сейтарр, подходя вплот-

ную к парню. Черт, да они одного роста. Ксам даже на полвершка выше будет, точно оценить мешает шлем тощего, но длинного интенданта. Хотя я все равно выше, хе-хе.

– А кто еще, кроме пиратов, сможет осуществить настолько дерзкую операцию? Я ведь правильно понял, капитан, этот дядя из преисподней – ваших рук дело?

Я кивнула, он прищелкнул языком:

– Ну, вот. А военные дуболомы не догадались.

– Ты упоминал, что разбираешься в рунных камнях?

– Да, мангаю немного.

Забавное словечко.

– У меня на борту несколько ящиков их. Корабль отняли военные, этим утром хотели отплыть, а мы их немного опередили. Так-то шхуна моя собственная, – поведала я, откидываясь спиной на влажные доски юта. Чертов туман никак не хотел уступать место на сцене нормальной видимости.

– Дерзко. Но – хвалю! – одобрил юноша. Сколько же ему? В лице проступают то детские черты, то, напротив, какая-то стариковская собранность и печаль. Борода, опять же, но усы еще не растут. Хотя у таких иногда не растут вообще. Возраста также добавляют травянисто-зеленые глаза с очень странным разрезом. Не спрашивайте, как разрез глаз может на вид прибавить с пяток лет – сама не знала, пока на неудавшегося утопленника не посмотрела. – А можно мне посмотреть?

– Если не взорвешь к чертям лысым корабль, ящики

на первой палубе, сбоку от лестницы. Если взорвешь, придушу, как котенка.

– При взрыве еще выжить надо, – хитро посмотрел он на меня и убежал вниз. Сейтартр вдруг ощупал пояс и ошеломленно посмотрел на меня.

– Эй, эй, стоять! – завопил он затем и ринулся вслед за спасенным.

Я спросила у Деррека, прислонившегося рядом и ехидно ухмыльнувшегося при виде данной выходки:

– Что с ним такое?

– Ксам у него кошелек срезал, прохвост такой. Я заметил, потому что у мачты стоял, а Сейтартр проморгал. Года уже не те, видать...

Удивленно пожав плечами, я пошла к штурвалу. Мы же на корабле посреди огромной реки – зачем что-то у кого-то красть? Разве что ради развлечения.

Правда, тогда я еще не знала, что своими развлечениями Ксамрий Ягос будет изводить всю команду.

Глава 5. В океане

Я вообще, оказывается, многого не знала.

И того, что при посещении портового города Москалл мы не только доберем в команду десять человек, но и ввяжемся в небольшую заварушку, в результате которой в уплату долга подпишемся на освобождение родственника хозяина разрушенной таверны из городской тюрьмы. Строго говоря, эти две вещи связаны – кто же знал, что Ксам вместо того, чтоб тихо вскрыть дверь темницы, поднимет на воздух часть городской стены, к которой тюрьма и была пристроена. Вот и изъявили некоторые бывшие заключенные желание служить под моим началом.

Совсем отъявленных злодеев я не брала, как и тех, кто не умел плавать, однако и основная часть команды не могла похвастаться кристальной честностью. Сейтарр явно скрывал ту часть своего прошлого, которая была связана с уличными бандами, насчет Графа я тоже во многом сомневалась. Тем не менее, новички... например, мне с трудом верилось, что братья Жамсби, Ойген и Тумас, оказались за решеткой всего лишь за ограбление торгового дилижанса. У них руки – как четыре лопаты, а вместо оружия оба носят кузнечные молоты с бойком, перекованным в клин. Но бойцы неплохие, да и такелаж сноровисто таскают.

Я не знала, что флот вместе с оружием еще и запасает-

ся камнями для вполне бытовых нужд – разогревающими, охлаждающими, изгоняющими крыс, даже такими, которые опресняют воду. Это мне тоже объяснил Ягос. Он своими поступками частенько досаждал другим членам экипажа, однако вместе с тем показывал профессионализм и выдержанность в морском деле, за что и стал боцманом теперь укомплектованной парусной команды. Единственный случай, когда он заставил в себе сомневаться – результат моей попытки назначить его коком, поскольку Ксам подорвал чертову кухню!

Да, я не знала, что камбуз на корабле можно взорвать, разворотив при этом едва ли не половину юта.

В результате мы были вынуждены уйти на ремонт в Ургахад, где еще не знали о моих вполне удачных рейдах на торговые суда империи. По просьбе Графа мы стали на прикол в бухте Рьюманоста, его малой родины, после чего Ульгем на время пропал. Ремонт несколько затянулся, но я нашла еще одного парня, который был не прочь подзаработать методом освобождения купцов от лишнего богатства. Линд Тильман не только великолепно стрелял из лука, который всегда носил при себе, но и являлся существом на редкость уродливым. Вместе с ним, впоследствии, я во многих схватках обеспечивала нам преимущество больше психологическое, заставляя целые команды бросать оружие.

Сын кабатчика и дочери мелкого торговца, Линд то ли упал в детстве неудачно, то ли при родах уже было что-

то повреждено в его теле, но к моменту достижения совершеннолетия стало понятно, что парень не будет пользоваться обильным женским вниманием. Нижняя челюсть, словно украденная у огра, толстые губы соседствовали с ровной и красивой верхней половиной лица, прямыми длинными волосами золотисто-белого цвета, и все это приправлено полудюжиной шрамов различной длины. До вступления ко мне в команду он уже был достаточно известен как наемник, неизменно одевая маску сказочного персонажа Йолле. В саррусской мифологии есть такой полурослик с большой головой и ушами, зловредный и проказливый. Уши у наемника как раз обычные, кстати.

Но, в отличие от персонажа, давшего ему кличку, рослый, голубоглазый Йолле не обладал ни единой каплей чувства юмора. Данный факт очень часто переводил шуточки Ягоса в непонятную для него плоскость, заставляя переспрашивать и раз за разом добиваться смысла шутки. А еще Линд чуть не убил рыжего, когда тот попытался стащить с его предплечья длинный кривой кинжал, дубася его по лицу и приговаривая, что клинок ценен ему, как память. Впрочем, стрелок предпочитает не распространяться о том событии, которое связано с кинжалом. Дело его, как говорится.

А последний член экипажа, присоединившийся к нам в Ургахаде, хотел нас убить. Вернее, намеревался убить Графа, а тот, не снимая меч, бессовестно от него драпал, шлепая мокасинами по излизанному морскими волнами прича-

лу. Взлетев на корабль, саррус с ревом принялся крушить все вокруг, после чего я не утерпела издевательств над едва отремонтированной шхуной и залепила ему в единственный глаз небольшой металлический шарик, игрушку боцмана, он их метает, как и те же камни, крайне ловко и быстро. И меня научил, в придачу.

Пока у скрученного Хога Смёрксона сходил большущий фингал, я не поленилась выведать подробности истории у Графа. И, несколько раз основательно проржавшись, я пообещала не рассказывать соратникам о его похождениях. В напроочь суровой пиратской команде и без того норовят его как-нибудь задеть, но Ульгем в кулачном бою тоже не промах. Во всяком случае, когда Хог снова разбушевался, Граф попросту отбил ему почки. Тем не менее, на Чинку условие не простиралось, и мы тем же вечером долго хихикали за бутылкой дейнского розового, прихваченного из трюма одного корабля Гильдии.

Так вот, Хог... в общем, когда мы вышли в море, гигант окончательно успокоился и смиренно попросил у меня пощады. Потому что голод – не тетка. А еще у меня была идея привязать его к бушприту в качестве корабельной фигуры, но я не успела воплотить ее в действие. Зато успела рассказать.

И должность кока, а, заодно, и корабельного плотника, занял одноглазый верзила, где и находится по сей день.

Так вот... говоря про «сей день», мы только что отплы-

ли из Москалла. Я больше не хожу по Жемчужной, зато использую один из отцовских быстроходных флевиллов, чтоб быстро добираться до столицы. Остальное время он стоит в одном из складов портового города под небольшой охраной. И там, в столице, мы чисто из прихоти похитили одного парня, который сейчас драит палубу.

Вообще, Чеда жалко. Он-то думал, что напишет историю о купце Шнапсе, станет знаменитым, лавры, почет, домик на набережной... вместо этого его выкрадывает дочь того самого купца, замаскированная под служанку, оглушает, натягивает мешок на голову и привозит на корабль. Мне не хватало одного юнги, извольте!

А мысль о том, чтоб нанять человека, представлялась скучной и недостойной внимания.

Во внешнем виде многих членов экипажа за год наших скитаний произошли необратимые изменения. Ксам обзавелся парой-тройкой новых шрамов, Джад Стефенсон теперь всюду ходит с двуручной секирой, восьмиконечным щитом на спине и тем странным артефактом на левом плече (теперь мы знаем, что он называется «Стеклянный Панцирь» и создает вокруг владельца особое поле, отклоняющее стрелы и легкие клинки). Граф добавил к своему облику еще и банданы, безукоризненно подобранные в цвет к рубашкам. Единственный, кто почти не изменился – Сейтarr. И даже он теперь одевает под шлем защитные очки, купленные на каком-то блошином рынке. А так – все те же латанные-пере-

латанные штаны, кожаный нагрудник и наплечи, блестящий стальной шлем, который он любовно чистит вечерами. И, конечно же, босиком. Привычки бывалого бродяги так просто не вытравишь.

Не скажу, что я хоть как-то поменялась. Хотя... нет, со-
врала. Привыкла как-то уже к произошедшим изменени-
ям. Приобрела опыт, конечно. В магии главное – искусство
управления собой. В морском деле – искусство управления
людьми. Ну, и не только опыт. Боевой посох, честно куплен-
ный на рынке, был переделан в глефу. Хог избавил от руко-
яти один из захваченных изогнутых мечей и, аккуратно вы-
пилив необходимую щель, оковал хвостовик сталью в виде
трубы, добавив свинцовые балансиры. Теперь у меня имелся
разборный посох, который без лезвия служил оружием для
фокусировки магической мощи, а с ним – опасной штукой
для абордажного боя.

Глаз Овеам мы несколько раз перепродавали – поскольку не все свойства ценнейшего и могущественного артефак-
та, захваченного нами вместе с грузом беллаузского барха-
та, были выяснены исследователями. Например, маленький
факт: он запоминает владельца и при особом щелчке паль-
цами может вернуться к нему за считанные мгновения. Сей
маленький нюанс позволил мне надуть различных торгов-
цев почти на двести тысяч золотых в общей сумме. Сейчас
Глаз покоится в рукояти изумрудного меча, который я ношу
на левом боку, украшенный оправой из рога морского дья-

вола.

Но, как говорил усатый Айви, оружия мало не бывает. У меня еще небольшой нож в ножнах у сапога, как клинок последнего шанса. Хорошо сбалансирован, остро заточен, почти незаметен.

Кольца вдела в уши. Два золотых, с левой стороны, и какая-то висюлька в виде бриллиантовой капли почти у кончика правого уха. Мне нравится, даже Ягос ехидных шуточек не отпускает. Хотя про сами уши было достаточно, уж поверьте. И вроде не нравится ему за это получать, просто он таков, каков есть.

А, и самое важное – по решению корабельного совета мы все сделали себе по магической метке. Она дает неясное знание, в каком направлении находится и сам корабль (на корпусе Ксамрий нанес точно такой же знак), и другие члены экипажа. В крупном городе – очень помогает, не нужно ни о чем договариваться, просто иди на зов. Метка сделана в виде флага.

Да, у нас еще и флаг есть...

В общем, много что изменилось.

Когда выбирали флаг, большинство предложений было про змей, пауков, черепа и прочие символы ужаса пополам с мерзостью. Джад предложил скрещенные мечи – мол, просто и понятно, но что Сейтарр возразил, что имперская пехота уже использует такой знак. А подделываться под пехоту, плавая на корабле, есть высшее проявление глупости и без-

алаберности. Что касается него, он может просто на парусе краской намалевать «Тави» и все.

– Тогда будут думать, что так называется корабль. И, что это за шуточки такие – по морям на мне плавать? – возмутилась я.

Нас примирил Граф. Он кое-что смыслит в геральдике, поэтому предложил оставить первую Т, украсив ее с двух сторон мечами, которые скрещиваются позади буквы. Мне нарисованная им схема пришлась по вкусу, так что на первом гафеле теперь гордо изображена именно она. И, конечно, на время захода в порт мы ставим другой парус. Слишком большую известность приобрел «Храпящий» за всего лишь один год, даже название, теперь высеченное из единой стальной пластины, приходится временно зачаровывать. Я могла бы и парус замаскировать, да вот слишком большая площадь иллюзии неизбежно привлекает таможенных специалистов, коих в любом порту хватает.

Зачем именно мне понадобился Чед – тоже не знаю. Мы спокойно могли его оставить там, у причала, надежно связанным и без сознания. Специалисты по залезанию в душу сейчас могли бы предположить, что таким образом я выражаю свою привязанность... что ж, в наше время всяк дурак имеет право на мнение. А пока длятся разговоры, у меня палуба стоит ненадраенная. Вот бывший журналист, а ныне – юнга на пиратском корабле, и старается, как может.

И, хотя мы добираемся в Телмьюн сушей, добрая часть

моей команды все равно оседает в тамошних портовых кабаках. Как заколдованные, честное слово. А собирать их потом по всем окрестным забегаловкам – та еще затея.

– Что слышно из Аргентау и Телмьюна? – поинтересовалась я у Сейтарра, который лениво грыз травинку и перебирал механизм арбалета. Где он свое сено посреди океана берет, одни демоны знают, но привычка – вот она, уже много лет.

– Мне откуда знать, капитан? – пожал плечами он, взглянув на меня. – Как будто у меня там шпионская сеть расставлена, особенно, в Аргентау. В столице, конечно, есть несколько ребят...

– Нет, просто ты единственный из всей компании остаешься трезвым, – усмехнулась я. – Джад тоже не пьет, но его пристрастие к дейнской жевательной дряни вредит делу еще сильнее. Вот и спрашиваю тебя – может, слышал что-то.

Сейтарр покачал головой, его узкая челюсть мерно двигалась, мусоля бледно-зеленый стебель.

– Пусто. Я начинаю думать, что нам специально подбросили те чертежи.

– Вот черт... яблоко будешь? Брось свою солому дурацкую жевать.

– Не-е, спасибо, капитан.

Я пожала плечами и вгрызлась в крепкий зеленый плод, тут же брызнувший соком. Люблю твердые яблоки, вечно зубы зудят, как будто растут постоянно.

В конце Месяца Рассвета, более ста дней назад, мы совершили налет на небольшое судно, крадущееся вдоль берега. Думали, раз капитан идет тихим курсом, то перевозит что-то очень ценное. Только и дела было – два сундука бумаг, принадлежащих Объединению Механиков. Несколько рисунков меня заинтересовали – контуры чего-то, обладающего, судя по документации, «огромной разрушительной силой». Объединение не пользуется магией, общеизвестно. Но то, что было показано на чертежах, разительно отличалось от всего, что я видела до сих пор. Никто из моих головорезов тоже не сумел вникнуть в схемы, только арбалетчик с задумчивым видом сказал, что корабль следовал из королевства Аргентау.

А данный маршрут вызывал определенные вопросы.

Королевство Аргентау – одно из трех государств, расположенных на небольшом материке Рид, чьи берега на пятьсот миль севернее кряжа, стеной окружающего Проклятые Земли, и на тысячу в западном направлении от порта Рахтальд, самой северной точки Ургахада. Аргентау слывет довольно богатой страной, а вот с изобретателями, как и с достижениями в магии, там полный швах. Такое вот объяснение нашего беспокойства. Если кто-то мог передать в Грайрув два сундука с документами, да еще и на секретном уровне, это вряд ли мог быть король Аргентау.

Зато весьма вероятно участие в подобном мероприятии народа, населяющего гору Рид, величайший горный массив

всего Кихча. Она занимает почти половину материка, которому дала название, кроме того, два из трех государств именуются Рид Мезахт и Рид Ойлем. Наши худшие предположения заключались в следующем: марды опять придумали нечто, способное по разрушительной мощи померяться с магией, и им для воплощения идеи в жизнь нужны были ресурсы империи, как государства, способного не разориться при постройке.

Почему худшие? Да просто ушлые глаза моего интенданта разобрали в пометках, что машина-то – корабельная. Что за чудовище потребуется для того, чтоб установить на него такую штуку, я не знаю, но точно знаю, что верфи Телмьюна с ним не справятся. Столичные доки не могут обслуживать ни фрегаты, ни галеоны. Вернее, могут, но по одному в год – на правом берегу имеется верфь «Чаманска», в которой наличествует один действительно огромный док. Но я отвлекаюсь.

Правда, на воплощение одного вполне сгодится Тлаккенур, крупнейший морской порт империи. С нас станется время от времени заходить в бухту Маверик и проверять, заложили ли что-то подобное – если проморгаем, можем познакомиться со смертью в ближайшие месяцы. Мой отец, конечно, совершил со своими двигателями небольшой прорыв в деле морского и наземного транспорта, но нельзя не признавать, что у подземного (и подгорного) народа могут найтись головы стократ умнее.

– Юнга! – позвал Чеда Ксамрий, перевязывая такелаж на мачте. Смоленный трос – штука противная, мне порой кажется, что именно из-за его упрямого нрава и было придумано большинство морских узлов. Судя по лицу Рыжего, он уже что-то задумал. Да и галдящие матросы затихли, предвкушая новое развлечение, палубная команда дневной смены – всего десять человек, а шумят, как все сто. Боцман вскочил на фальшборт, балансируя, затем уселся на нем и скрестил ноги.

– Да? – оглянулся бывший журналист, находясь не в самой удобной позе для разговора.

– Не «да», а «я!». Но неважно, у нас не армия, карать не будем. Или будем, но изобретательно и с творческим порывом, – осклабился Ксам, – а пока что можешь отдохнуть, если ответишь мне на один вопрос. Чисто по твоей профессии.

– Эм-м... а что вас заинтересовало в журналистике, господин боцман?

– По твоей текущей профессии, дурачина.

Чед Уэстерс безнадежно вздохнул. В кораблях он ни черта не смыслил, а обучать его никто не стремился. Так, игрушка для своры злобных пиратов, не более того.

– Я готов, господин боцман, – решительно ответил он, приподнявшись и стоя на палубе с грязной тряпкой в руках.

– Не бойсь, вопрос-то простой. Может, и перевести дух посчастливится. Сколько треугольных парусов сейчас

на «Храпящем»?

Я его даже формально не могу одернуть. Обучение новых членов команды входит в непосредственные обязанности Ксама как боцмана, а уж методы – исключительно на его совести. Но вопрос-то действительно не из сложных. У нас всего три кливера на бушприте. От парусного вооружения в виде стеньг я еще при строительстве шхуны отказалась.

Чед рассуждал так же. Он посмотрел на нос корабля, пошевелил губами, затем неуверенно сказал:

– Три.

– Неверно! – расхохотался Ксамрий, снова вскочив на ноги. Как он при этом не сверзился в воду – загадка. – Пока капитан на палубе – на «Храпящем» пять треугольных парусов!

На корабле раздался громовой хохот. Да, такие простые и незатейливые шутки однозначно поднимают боевой дух команды, но на этом для меня их ценность исчерпана. Я криво усмехнулась и запустила в боцмана огрызком, потом, не сомневаясь, что от первого снаряда он уклонится, добавила вторым яблоком, еще целым. Мне целую корзину притащили из кубрика, есть, где разгуляться.

Второй фрукт угодил ему прямо в лоб, отчего Рыжий все же потерял равновесие и рухнул в море, лениво облизывающее борт корабля. Матросы заржали еще сильнее, а если он еще что-нибудь ушиб о борт, представление можно считать исключительно успешным. Сейтарр встал с ящика

и, сделав два шага ко мне, склонился в угодливом поклоне, пряча ухмылку:

– Леди-капитан, у нас человек за бортом. Что прикажете делать?

– Добить, чтобы не мучился, – зевнула я и взяла новое яблоко.

– Как скажете! – отсалютовал он и направился к арбалету. Я лениво окликнула его:

– Сейтарт!

– Я!

– Брось ему веревку. Не забудь один конец веревки привязать к мачте, – ласково и размеренно, как с полным идиотом, провела разъяснение я. Шутку можно усугублять до бесконечности, но Ксам все же больше пользы приносит, чем вреда. Даже принимая во внимание его кипучую энергию.

Дрожащий от холода боцман, наконец, показался над бортом и перевалился на палубу. Лязгая зубами, он с усилием проговорил:

– Х-холод-дно...

– Рисковый ты человек, Ксамрий Ягос, – развел руками Сейтарт, показывая, что он тут как бы и ни при чем. – В Месяце Шерсти купаться в Зиммергаузе... холодно же.

Рыжий кивнул, всем видом выражая согласие. Затем с опаской посмотрел на меня:

– К-капит-тан, я еще н-не готов умирать.

– Не умирай, мне то что, – ухмыльнулась я, впиваясь зуба-

ми в очередное яблоко. Производим массовую резню яблок подручными средствами, обращайтесь в ближайший порт.

– Значит, я прощен? – уточнил он. Покачав головой, я ответила:

– Нет, ишь чего удумал. Я – злопамятная, мог бы запомнить за столько времени под началом Морской Ведьмы. Признайся честно, что питаешь к моим ушам какую-то извращенную привязанность.

Ксам возмутился:

– Да нет же! Просто я, как боцман, свидетельствую, что парусность у них еще огого.

Возле грот-мачты едва слышно подхихикивала команда. Я злобно посмотрела на них, и они в ужасе разбежались – кто на нижнюю палубу нырнул, не пользуясь даже лестницей, кто за мачту спрятался. С них ведь станется расплатиться за дурные шутки их боцмана, уж я позабочусь.

Нашу дружескую перепалку прервал впередсмотрящий:

– Капитан, корабли из-за мыса! Один торговый и один дозорный.

Я обрадованно вскочила на ноги:

– Слава небу и всем известным богам! А то засиделись уже. Джад, – позвав помощника, я убедилась, что он в очередной раз засел над своими картами, поэтому рявкнула: – ДЖАД!

Джад, поправляя ремень под слегка выпирающим брюхом, обиженно вывалился с камбуза:

– Да? Тави, ну я же жрал, между прочим.

– Посажу на голодную пайку, – пригрозила я, прикладывая к глазу подзорную трубу, – через месяц будешь стройным, как интендант.

– Это называется не «стройный», а «тощий», – проворчал он.

– Неважно. Дай мне курс так, чтобы перехватить во-он тех красавчиков. Один из них просел ниже ватерлинии²⁵, пузатый, прямо как ты. Вот и распотрошим слегка. И Хогу скажи, чтобы бросал поварешку, а не выскакивал на abordаж в фартуке, как две декады назад.

– Ох, капитан, вы еще долго ему будете припоминать...

– Особые заслуги мы ценим и уважаем! – приняв героическую позу, продекламировала я, затем оскалила клыки:

– Чеши на ют, старпом.

– Есть. Абордажная команда – товсь! – пробасил Джад, испытывая явный дискомфорт от мысли о недоеденном обеде, наверняка полной миске чего-нибудь вкусного. Саррус все же неплохо готовит, надо отдать ему должное.

– Конвоем я займусь. Сосредоточьтесь на том, чтоб они нас не зацепили тараном – обходите у кормы, наверняка будут закрывать купцов корпусом корабля. Стрелков выводить из строя заранее, остальных не трогать, – спешно проговорила я, доставая из кармана небольшую коробочку с красками.

---

²⁵ **Ватерлиния** – линия на борту, до которой судно погружается при нормальной осадке.

Очень хорошая вещь. Я про коробочку. Иной раз появишься на палубе утром полусонная, растрепанная, а тебя даже не боятся. Так не годится, своим видом надо внушать так, чтоб внушаемый последние штаны обмочил. Весьма помогает в избранной профессии, знаете ли. Вот и наношу боевую раскраску, вооружившись карманным зеркалом – клиентов прониимает, а команда привыкла уже. Красная краска, черная, белой подчеркнуть у скул. Целое искусство.

Тот же Граф может, и попробовал бы, да ему для устрашения достаточно свой Цвейхт держать в руках. Такую оглоблю заметно за пять миль.

В первых рядах, впрочем, не Ульгем. На палубу грузовых кораблей первыми всегда ступают Ямми и Джад – хорошая броня и артефакт в сочетании со слабеньким магическим щитом делают их почти неуязвимыми. Затем я, и только потом – остальная команда. Сейтартр и Линд обычно контролируют экипаж с юта, еще двое стрелков следят за другими кораблями. Впередсмотрящего я тоже из корзины не спускаю. Любая оплошность для нас обычно плачевна, команда небольшая, за всем не уследишь.

Но сначала разберусь-ка я с конвоем.

Корабль не военный – уже хорошо. Суденышко так-то весьма утлое, шлюп, бортовое вооружение не впечатляет. Всего четыре баллисты, и только кормовая выглядит способной выстрелить, остальные чуть ли не разваливаются. Экипаж тоже одет и вооружен как попало. Какой смысл нани-

мать таких? Жадность? Завидев нас, засуеились, забежали, корабль свернул с курса и бортом закрыл от нас торговое судно, которое, в свою очередь, взяло восточнее.

Как только они оказались в радиусе досягаемости, я обдала паруса шлюпа Эфирным Облаком и, не давая опомниться, подожгла. Матрос с вышки сиганул в воду, спасаясь от огня. Вопли ужаса не греют мне сердце, не убивать же их всех? Оптимально, конечно, повредить рулевое управление, но до тросов или до самого руля еще попробуй доберись. Вытянув посох, я нацелилась фокусирующим кристаллом на штурвал и резко произнесла:

– *Нер торлжис Виссумо!*

Ударное заклинание четвертого круга, Молот Висма. Штурвал полетел в одну сторону, рулевой в другую, таким же методом я расправилась и с тремя оставшимися баллистами – меткий выстрел Сейтарра заклинил механизм наведения четвертой, так что стрелять она могла только в воду. Добившись значительной степени разрушений и полной безвредности противника, мы обогнули их с кормы, обстреляв пару лучников, пытающихся пускать стрелы в мою сторону. Их подопечный уходил на всей возможной скорости в сторону острова Шни Ауге, но «Храпящий», к величайшему сожалению свободных торговцев, делал пятнадцать узлов при встречном ветре.

Я всегда предупреждаю подчиненных насчет кровавой резни. Если кто-то выходит в море выпить чужой крови,

он может попробовать начать с акул, во всяком случае, не на борту моего корабля. И причина далеко не в добром отношении к обитателям сего чудесного мира, просто мне ни на кой овощ не нужны господа, охотящиеся за моей головой из чувства мести. Потому что месть, друзья мои, мотив гораздо более страшный и разрушительный, чем жажда подзаработать.

Когда лезвие меча одного из наших оборвет жизнь дворянина из высшего общества, либо жизнь кого-то из их многочисленных отпрысков, за нами отправится военный флот с магами, дальнобойными баллистами и точно такими же усовершенствованиями, что и на моей шхуне. Ни скорость не спасет, ни наши умения.

В свою очередь, осторожность еще не повод для исключительной трусости. Нужно будет – примем бой, возникнет необходимость в устрашении –отрежем руку, ногу или голову. Заблуждаться насчет того, чем именно мы занимаемся, тоже не стоит. Но о том, как и почему все произошло, я вроде бы сказала достаточно.

Догнав цель, «Храпящий» легко обошел ее с правого борта, и Хог с Балбесом зашвырнули крюки, сокращая расстояние с помощью двух специальных поворотных колес. Саррус легко наматывал трос в одно рыло, Балбесу помогал Деррек. Когда борта сомкнулись – купеческое судно было трехпалубным, как и наше, но сидело метра на два ниже в воде – мы ринулись на abordаж.

Глава 6. Практическое руководство для начинающего морского разбойника

Увидев, что произошло с кораблем конвоя, они даже не стали сопротивляться. Только откуда-то с реи в меня полетел арбалетный болт, который беспомощно клюнул в магическую защиту *цехембве* и отлетел. Линд в ответ отпустил стрелу, которую держал на тетиве уже несколько секунд, и с мачты, запутавшись в веревках, с криком рухнул совсем еще молодой парень. Так и повис, раскачиваясь, стрела с красно-белым оперением торчала из его плеча. Арбалет лежал рядом, дуга погнута от падения. Дрянного качества оружие, как и конвой. Может, хотя бы груз обрадует?

Я села на борт захваченного судна и осмотрела перешептывающихся моряков:

– Мечи – на палубу, пока все живы и у меня нет желания заливать доски кровью. Вилы, копья, дубинки – тоже. Капитан кто?

Из хмурой толпы, откуда-то из задних рядов, вышел низкорослый бородатый мужчина средних лет, нервно крутящий в руках трубку. Сзади послышался звон. Сдержанно поклонился, но вздрогнул, когда я встала навстречу ему.

– Никос Гуми, владелец и капитан «Зеленой крысы».

– Как чудесно совпало, – восхитилась я. – Тави. Просто Тави, тоже владелец и капитан. Поскольку с вашими стражами приключилось досадное происшествие, мы решили, что будет лучше, если вы поделитесь частью вашего груза. Так сказать, чтоб снизить риски.

Откуда-то из-за его спины послышалось «Морская Ведьма!». Я отвесила издевательский поклон и оскалилась в улыбке:

– Да, так меня тоже называют. Рада познакомиться. Подозреваю, что вы отнюдь не рады, ну да кого это волнует? Сей-тarr, будьте добры, не сводите с них прицела. Джад, остаешься вместе с Ямми и Графом контролировать палубу. Я пойду, осмотрю содержимое трюма вместе с нашим любезным проводником. Хог – со мной.

Их человек двадцать так-то, могут и числом задавить. Но, судя по тому, как хищно Граф ухмыляется, его не страшит возможность схватки и с большим количеством людей. Старпом хозяйственно собрал оружие и начал подавать через борт одному из матросов. Опустив руку на плечо Никоса Гуми, я велела:

– В трюм, капитан.

– Да-да, – подрагивающим, надтреснутым голосом отозвался он. – Если позволите, через ют, так будет удобнее... вот сюда, и по лестнице.

– Небогато живешь, капитан, – посочувствовала я, прикрывая ладонью один глаз, чтобы потом не привыкать заново

во к темноте нижней палубы. На пальцах другой руки роились искры бледно-желтого цвета. Никос промолчал. – Даже нормальных наемников не можешь себе позволить.

– Их нанимал владелец груза, – глухо ответил он. Я пригнулась, стараясь не треснуться лбом о низкую переборку, саррус, топающий следом, повторил мое движение, еще больше сгорбившись. – Здесь – овощи, для... вас ничего интересного.

Я почувствовала характерный запах сырых плодов ца-си, небольшого кустарникового растения, поэтому даже не стала настаивать на вскрытии ящиков. Но предупредить не забыла:

– Достопочтенный Никос, вы ведь понимаете, что я вас убью, если вы мне соврете?

– Д-догадываюсь.

– Так, может, вскрыть эти ящики и посмотреть, что там на самом деле?

– Как будет угодно.

Он, страшась, что я приведу свою угрозу в исполнение, крикнул наверх:

– Мозли, Крид, бегом вниз!

Саррус, положив на ладонь увесистую дубину с шипастым наконечником, предостерег:

– Давай, это, без глупостей.

Двое матросов быстро вскрыли один из ящиков и подтащили ко мне. Ца-си и репа, засыпанные песком, ничего необычного. Я многозначительно посмотрела на капитана:

– Но ведь что-то, кроме овощей, у тебя на борту имеется?

– Конечно, – пробормотал он, после чего я рявкнула:

– Тогда не заставляй меня ждать! Хог, как думаешь, если вырвать ему все зубы, он станет немного словоохотливее?

– Дык, да. Только говорить сложнее будет, – предупредил саррус. – Заняться?

– Нет! – взвизгнул Никос Гуми, капитан и владелец «Зеленой крысы». Очень несолидно взвизгнул, даже трубку свою куда-то уронил. С сожалением посмотрел вслед ей, затем быстро пошел к носу корабля, приговаривая на ходу:

– Вот... тут несколько ящиков заготовок из черного дерева, на общую сумму в триста половинных золотых. Здесь орогленнское темное вино, пять бутылок. В тюках непромокаемых – лебяжий пух, на сто двадцать половинных золотых. Ткани из Фэрчайлда... на тысячу с лишним варангов... – тут его голос осекся. Я присвистнула:

– Ничего себе. Они золотые там, что ли?

– Нет, просто их мало производят... там парча и шелк, в основном, а материал для шелка везут из Нижних Переплетов...

– Поднимай наверх. Все это поднимай, кроме чертовой репы, – скомандовала я, злобно покосившись на матросов. Те пошатнулись, затем схватились за ящик с черным деревом и потащили к лестнице.

– Что-то еще? – поинтересовался Хог.

– Я... денег у меня мало...

– Да плевать на деньги, с твоей оборванной матросни едва горсть медных наберется. Хотя твою каюту мы, конечно, проверим, не волнуйся, – пренебрежительно зевнула я, махнув рукой. – Из товаров еще что-то есть? Драгоценности, предметы культов, картины везем? Оружие, наркотики.

– Да нет... все, что есть, вот оно.

– А на нижней палубе?

– Это и есть нижняя, госпожа. У меня двухпалубный корабль, внизу только балласт и тесный трюм. Конструкторская ошибка, с виду судно выглядит трехпалубным.

– Тьфу ты. Вообще больше ничего нет?

Никос замялся:

– Есть еще статуя, мне она ничего не стоила, но я думал продать ее в Дейне...

– Показывай.

– Она наверху, в моей каюте.

Пока мои люди грузили добычу на борт «Храпящего», я хлопнула капитана по плечу, от моего дружеского жеста он снова вздрогнул. Не капитан, а сопля зеленая какая-то. Дрожит и дрожит.

Хог остался снаружи, мы с Никосом зашли в каюту. Обычная каюта, три на три метра. Даже роскошь по нынешним временам – не фрегат все же какой-нибудь. Хотя экипаж у него по-прежнему спит на нижней палубе, судя по подстилкам.

– Вот, – указал он на белого цвета статуэтку, высотой

вершка три, не больше, но с изумительно проработанными деталями. Кентавр в боевом облачении, мужчина. Даже узоры на коже каким-то чудом мастер смог передать. И камень какой-то непонятный. Вроде бы мрамор, но отдает перламутром, словно из цельной жемчужины точили. Какого размера тогда была раковина?

– Бесполезная штука. Но красивая. Спасибо за искренность, капитан, сегодня никто не умрет, – похлопала я его по щеке и покинула каюту. Хог у двери задумчиво осматривал бутылки.

– Вроде настоящие, – поделился он сомнениями.

– Тебе-то откуда знать? – усмехнулась я, двинув кулаком в мускулистое плечо. – Ты в винах разбираешься, как я в платьях.

– Кто вас знает, капитан. Вы же из благородных, так что могли и в этом разбираться...

– Могла бы. Да времени не было.

Джад отсалютовал, как только мы приблизились к нему:

– Тави, все спокойно. Этот сброд уже третьи штаны меняет, ага.

– Да сам ты сброд! – не утерпев, крикнул кто-то из матросов. Старпом повернулся к нему и нехорошо прищурился, вскинув секиру:

– Ты чего там вякнул? – и молчание было ему ответом. Я рассмеялась:

– Пошли уже, вояка грозный.

И, подтянувшись, покинула «Зеленую крысу» к вящему облегчению ее экипажа и капитана, который даже не вышел из каюты попрощаться. Черствый тип.

Одним кораблем дело, конечно же, не ограничилось. Нижняя палуба забита едва на треть, так чего пустыми ходить? Потормошили еще парочку судов, и с легкой душой отчалили в направлении горы-материка Рид.

Просто так, конечно, нам груз отдавать никто не хотел. Кое-где пришлось подраться, обагрить клинки кровью и прочий романтический бред в том же духе. Я во время краткой стычки половину матросов просто сбросила в воду – судя по Ксаму, Зиммергауз нынче холодный, поэтому их боеспособность тотчас снизилась, а желание вредить кому-либо стало бледной тенью желания взобраться обратно на борт и переодеться в сухое и теплое.

Оставшиеся предпочли поделиться с нами припасами и не рисковать потенциальным насморком или возможностью получить несколько дополнительных дырок в организме.

Чтобы держать в узде команду, мягко говоря, не самых добросердечных людей (поправочка, и одного сарруса) в мире, мне с самого начала пригодились строгие меры. Силами совета старших офицеров мы состряпали устав из обломков ереси, прыгающей мокрой веревки и фальшивого аккорда Сейтаровской лютни. Знаете – вышло неплохо. Само собой,

устав включал в себя недопущение всяких подлостей по отношению к другим членам экипажа, беспрекословное следование приказам со стороны матросов, разумное командование со стороны капитана и ее заместителей, а самое главное – схему раздела добычи.

Если кто-то рассказывал вам за посиделками в таверне, что пираты берут добычу исключительно сундуками с золотом, надо было огреть того приятеля кружкой, желательно полной – так больнее. Сундук с золотом я за год видела только один раз, и тогда мы его упустили при странных обстоятельствах. Пока у меня есть интендант, разбирающийся в стоимости всего на свете, я могу быть спокойна. Он выберет лучшие товары, сумеет сбыть их по достойной цене и разделить прибыль с точностью до медной монетки.

Так вот. Согласно корабельному уставу «Храпящего», «а также всех последующих кораблей под началом Морской Ведьмы Тави в этом и остальных существующих мирах», лихо ребята закрутили, вся добыча делится на количество членов экипажа «плюс семь». Сейчас команда насчитывает двадцать две персоны, то есть, делить надо на двадцать девять. Матросы получают одну долю, боцман, старпом и корабельный врач по две, я с интендантом беру три доли. Как заставить вашего квартмейстера честно делить несправедливо нажитое? Просто дайте ему больше денег.

А вообще, я думаю, что подобный раздел справедлив. У меня только есть преимущество в награде отличившихся

боевыми трофеями. Каждый раненый – царапины и синяки не в счет – прибавляет еще одну долю к тем двадцати девяти. Убитый... ну, пока я никого не теряла. И в ближайшее время не планирую.

Рид. Если точнее, Рид Ойлем, потому что Рид Мезахт от Ургахада находится через один пролив всего лишь. Да и не любят нас там. Хотя и не разыскивают, как в Аргентау.

Говорят, за мою голову с «повышенной парусностью» можно получить в стране саррусов столько золота, сколько вешишь сам. Не знаю, сколько это в денежном выражении, но подозреваю, что очень неплохая сумма выйдет, даже если брать вес Ульгема, например, или Чинки. Еще находятся энтузиасты из Дейна, Аргентау и моего родного Грайрува. А Граф умудрился выхватить и персональный розыскной плакат – видимо, благодаря папеньке. Но предавать нас пока никто не собирается, что радует.

И уж, конечно, морским разбойником быть рискованно, но несравненно выгоднее, чем наниматься матросом на обычные суда.

Да что ж меня так от темы отвлекает-то...

Рид Ойлем – государство свободных, очень свободных нравов. Отчасти это обусловлено тем, что международного влияния у него с хвост йрвая, а отчасти – тем, что постоянные войны за престол привели страну в положение, когда не знаешь, за какую соломинку ухватиться, чтобы вылезти из болота раздоров и междоусобиц. Возможно, здесь заме-

шана мистика, но только в последние шестьдесят-семьдесят лет в Рид Ойлеме стало возможно жить, не боясь, что тебя затронет очередное восстание.

Двое из моего экипажа, Турлей и Оми, даже купили себе по дому в Грен Тавале, столице королевства. Я похмыкивала и по старинке припрятывала золото в укромном месте. Понадобится – знаю, где лежит, а больше никто и не знает. А если и знает, так я еще и волшбой прячу, не только ямку лопатой рою, хе-хе. За воровство, кстати, у нас наказание одно. Смерть. Потому что любой ограбивший товарища ставит под сомнение наше дело как таковое. Надеюсь, страх их удержит – нехорошо получится, если мне хоть раз придется собственноручно приводить приговор в исполнение.

В Риде есть скупщики, золотому запасу которых позавидуют отдельные мелкие страны. Именно они поставляют на рынок ту часть товаров, которую никогда не согласились бы ввозить в полудикую страну с едва установившейся монархией. Мы находимся в списке их клиентов едва ли не на первом месте – во всяком случае, берут награбленное с охотой, обмануть не пытаются, даже предоставляют постой за счет заведения. А гостиницы в Грен Тавале шикарные, можете мне поверить.

Если вы вдруг решили избрать для себя жизнь преступившего закон, обязательно обзавайтесь знакомым скупщиком в Рид Ойлеме. В отличие от незнакомых, он надует не слишком, последние штаны благородно оставит, да и чаем уго-

стит. Наверное.

Разумеется, после того, как нижняя палуба была забита различными дорогими товарами, я направила «Храпящий» в Рид.

Столица Рид Ойлема расположена очень неудобно, но выглядит восхитительно – так же, как и Телмьон, Грен Таваль раскинулся на двух берегах могучей реки. При этом сложно не заметить, что вид куда живописнее, поскольку огромный порт находится на полмили ниже, чем сам город, и построен он на сваях в самой реке, а на плато можно попасть с помощью системы подъемников. Такое расположение исключает штурм с моря (устье реки Джадж всего в десяти милях ниже), а со стороны суши Грен Таваль огорожен высоченной стеной из красноватого камня, что делает его одним из самых укрепленных городов мира Кихча, не считая подземные города мардов.

Через Белый Каньон, на дне которого протекает бурная и быстрая река Белогрызь, протянуты четыре моста, которые представляют собой странный комплекс изумительных сооружений. Первый – мост Королей, мощный, на двух увесистых сваях в полмили высотой, величина которых сравнима с башней Коллегии, и прочность тоже. Столичные бродяги за мелкую монетку расскажут, что камни в основании укреплены специальным составом, от которого они даже не мокут. И действительно – во время дождя сваи моста Королей остаются кристально чистыми и сухими, сама видела.

Второй – Радужный мост, сооружен с помощью специальных металлических конструкций, погруженных прямо в скалу. Он, в отличие от первого моста, полукруглый, арочный, камни его перил молочно-белые, а сам мост сложен из серого гранита. Их собрат, мост Настигающей Чумы, дважды разрушался и снова восстанавливался, поэтому разные его секции выглядят по-разному. Он тоже каменный, и выгибает спину даже больше, чем Радужный, потому что опор у него нет совсем – архитекторы понадеялись на крепкий связующий раствор и свое мастерство. Учитывая, что разрушали его во время войн, а в мирное время даже один булыжник не покинул грандиозное сооружение, построили на славу. Проблема в том, что мост Настигающей Чумы еще и выкрашен в темно-лиловый цвет. Жуткий такой, гнетущий.

И последний, который больше не на упомянутое строение похож, а на развлечение «Дойди до другого края ущелья живым» – Невидимый мост. Вопреки названию, он видимый, но сплетен из веревок и постоянно извивается, норовя опрокинуть неосторожного горожанина. Им любят хвалить, но издали, на некоторое время отключая фантазию, чтоб не представить себя зависшим над большущей ямой.

На правой стороне каньона размещаются дома мещан, два рынка, увеселительные заведения и несколько казарм стражников, которые следят за вверенной территорией. На левой – дворец короля, несколько дворцов поменьше, приближенные тоже не хотели отставать в свое время, Великая библио-

тека и Великий (не менее великий) астрариум. Они б еще каньон великим назвали.

Соответственно, за вход в город берется устоявшаяся плата, которая, насколько я знаю, сразу идет в отдельную казну городской стражи, а самой стражи – раза в два больше, чем в других столицах. Чего только стоят две управы – Левого берега и Правого. На каждого, как говорится, своя управа найдется.

Знаменит город и своими художниками. Говорят, из-за драки двух цеховых мастеров местной академии началась очередная война, а на престол взошел тот самый Люперинг, который потом повелел обоих казнить, а головы вывесить под мостом Королей, чтоб приплывающие путешественники любовались. Рисуют они и впрямь сказочно, сомневаюсь, что когда-нибудь даже при должном прилежании смогла бы вот так. Пейзажи, люди, неведомые звери – на полотнах тавальских мастеров все выглядит, как живое.

Вот в такой город шхуна с крупным Т на парусах шла полным ходом. Вообще, на Т это не слишком похоже – хоть мечи и нарисованы тонкими линиями, выглядит, как треугольник носом вниз. Где у треугольника нос? А черт его знает. У нас вот – внизу.

Четыреста-пятьсот миль в сутки. Максимальная скорость – двадцать пять узлов, то бишь, миль в час, в сутках двадцать часов. Таким образом, плавание от Шни Ау-ге, где мы распотрошили последнее судно, до устья реки

Джадж заняло всего пять суток. На корабле в этот раз остался Ксамрий, боязно оставлять его старшим, но сейчас подошла очередь. Тоже пункт из устава – один из офицеров с четырьмя людьми на борту, вне зависимости от обстоятельств. Рыжий немного повздыхал, передал список того, что ему нужно для взрывной деятельности, Джаду, и демонстративно завалился спать прямо на палубе, в толстом канате, свернутом кольцами, смешно раскинув руки и ноги.

Чед тоже остался на борту, запертый в отдельной каюте. Пока будет в статусе пленника, что с ним делать дальше – решу потом.

– Ну что, господа разбойники, – с ухмылкой произнесла я, смотря на скалистую громаду Белого каньона, – пришло время навести немного шороху в одной из столиц. Айда на берег!

С гиканьем мой необузданный экипаж ринулся на дощатый пирс прямо через борт, от чрезмерного рвения едва не сбросив пару человек в реку. Покачивая головой, я дождалась, пока Хог подтащит трап, и неторопливо сошла вслед за ними. Рыбаки и остальное население порта на сваях неодобрительно косились на нас.

– Смотри, – ткнул пальцем Джад, когда мы взмывали ввысь в закрытой клетке подъемника. – Все такое маленькое отсюда. А корабль почти прямо под нами – давай Ксаму на макушку плюнем?

– Сколько тебе объяснять, старпом... не добьёшь. Тут

метров четыреста, плюс ветер в каньоне всегда вдоль течения реки. Только кажется, что шхуна прямо под нами, на самом деле она далеко в стороне, – зевнул Линд. Пасть у него та еще, благодаря непомерно широкой челюсти, но меня стрелку все равно не переплюнуть. Да и зубы у него обычные, человеческие.

Я заметила:

– Джад, ты ведь в Грен Тавале уже раз десятый, наверное?

– Тринадцатый, – прокомментировал интендант, расслабленно привалившийся к прутьям клетки. Даже сутулиться меньше стал, отчего сразу вырос на добрых два вершка.

– Вот. И каждый раз удивляешься. И каждый раз хочешь плюнуть кому-то на макушку. Это не считая того раза, когда ты предложил помочиться на несчастных рыбаков – они и без того не благоухают цветами.

Народ в подъемнике загоготал.

– Интересно же, – обиженно произнес Стефенсон.

– Ничего интересного не вижу. Интересно было, когда эти двое, – кивок в сторону лучника и арбалетчика, – поспорили на половину доли, что Линд не попадет в птичье гнездо на той стороне каньона.

– Попал же, – равнодушно сказал блондин. – Только спор все равно не имел смысла, потому что затем мы поспорили на ту же половину доли, что Сейтарр не сможет повторить выстрел. А он повторил.

– Я просто хотел отыграться, – хмыкнул тот. – Кроме того,

сила натяжения мардских арбалетов...

– Значит, наше пари являлось абсурдом. Мы только бесцельно потратили по стреле каждый.

– Зануда, – прокомментировал Джад. Я возразила:

– Скорее, педант. Правда, что от этого меняется – тот еще вопрос...

Технически, там, где они спорили, верх каньона сильно сужается, так что выстрелом на милю это никак не могло быть. Другой вопрос, что даже точный выстрел на метров четыреста – вершина мастерства и возможна только в том случае, если стреляющий спокоен, заранее выверил дистанцию, а также силу и направление ветра. Про загадочный арбалет Сейтарра я уже говорила, но и лук у его оппонента тоже непрост – с какими-то дополнительными рогами, от которых тоже натянута тетива. Не разбираюсь.

И даже при идеальных условиях, с великолепным оружием подобная точность на таком расстоянии – что-то на уровне магии.

Дождавшись, пока поднимется остальная часть команды, мы сняли половину постоянного двора на задворках жилого района и разбрелись по своим делам. Кому охота баб пощупать, кому ремень заменить, потому что пузо такое, что уже в старый не затянешь (я не намекаю на Джада, что вы), кто просто пробежаться по местам боевой славы. Приплыли мы хорошо, на рассвете, поэтому весь день еще впереди. С Сейтарром вдвоем навестили Тори Лизенбальда, который при-

вычно скривился при виде наших физиономий, долго с ним спорили, потом пили, потом, кажется, опять спорили... ито-го, выручка составила шесть тысяч двести пятьдесят двой-ных.

Договорились, что люди от него придут завтра вечером, а деньги Тори, хоть и недоверчиво, но всегда платил вперед. У нас длительные торговые отношения, в которых каждому хорошо, и никто не стремится друг друга надуть. Разве что самую малость, и то – больше по привычке.

Здоровый отрез бархата с острова Майхем-Беллауз я се-бе все же оттяпала. Пойдет на новый камзол, а то на старом уже локоть в прореху выглядывает. Да и цвет хороший, тем-но-красный, насыщенный. В список моих достижений за се-годня прибавился пункт «напугать портного», потому что здесь я предельно честна с окружающим миром. Никаких иллюзий, покровов, маскировок, даже грима. Собственно, не один портной стал жертвой испуга – улицы Грен Таваля всегда полны народу.

Обшарив маленькие лавочки, владельцы которых тща-тельно подбирали ассортимент безделушек, хотя бы отда-ленно похожих на магические, и не обнаружив ничего ново-го, я направилась обратно к команде. Таверна при постоя-лом дворе уже гудела – ребята швыряли последние медяки из карманов на ветер. Хотя лучше так, чем как некоторые, любящие спускать все деньги в карты или кости. Сейтарр вот любит играть в игру, благодаря которой получил свою

уличную кличку, тоже на деньги. Игра называется «холь-старг», но, кроме внешнего вида фигур, я мало что о ней знаю – какие-то всадники, пехота, берсерки, расстояние хода... не мое.

А, учитывая почти сухой закон на борту, оторваться на суше – первое дело. Да так, что наутро портки не сыщешь. Насчет именно штанов не знаю, но в прошлый раз в один сапог Хога по пьяни посадили цветок вместе с горшком, а второй надели спящему Графу на голову, благо, того разбудить почти невозможно. Короновали, черти. Капитан тоже принимает участие в возлияниях, но старается головы не терять. Порубить кого-то под горячую руку, а потом сидеть в остроге мне вообще не нравится, как возможный вариант событий.

Одно хорошо – пьяным не сильно-то поколдуешь. Здесь нужна четкость слов и предельная концентрация, а хмельное не слишком-то способствует.

Нажрались мы сегодня изрядно. Факт. Полный список непотребств я даже приводить не буду – хватит того, что мы под утро где-то потеряли Чинку с Дерреком, а потом переверошили весь город и часть предместья, чтобы их найти. Правда, они все время оставались на постоялом дворе, однако мы как-то умудрились. Даже хваленными метками никто не догадался воспользоваться. Чешется запястье, так можно же почесать. Из плюсов – никого не убили, не покалечили, даже усы стражнику не побрили.

Что? Бывало и такое.

Проснулась я где-то в середине дня, когда зарешеченный квадрат окна, высвеченный полуденным солнцем, уже переполз с моей кровати на плотный ковер, расшитый диковинными узорами. Тавальцы любят ковры, они везде – на полу, на стенах, а некоторые умудряются даже на потолок присобачить. Аккуратно вложила себя в одежду и сапоги, потирая голову, которая грозила взорваться, наскоро умылась холодной водой и спустилась вниз, с опаской ставя ноги на зловеще поскрипывающие ступеньки. Здание постоянного двора «Приют землекопа» хоть и старое, но крепкое, в три этажа, а таверна вообще в отдельном строении, так что стоять ему еще и стоять. Если кто умышленно красного петуха не пустит.

Меня приветствовали только двое – Линд и матрос по имени Мархес, лысый смуглый детина, на первый взгляд – шире, чем выше. В плечах, в остальном худощавый и мускулистый. Остальных, сколько бы я не рыскала взглядом по углам кабака, не было видно. Я подсела за стол и благодарно кивнула в ответ на придвинутую кружку с чем-то пенистым.

– А остальные где?

– Отсыпаются, наверное. Капитан, вы почему без меча?

– В комнате оставила, – пожала плечами я.

Линд упрекнул:

– А если вдруг драка?

– Если вдруг драка, то придется отобрать меч у первого, кто с ним на меня полезет. Да с чего ты решил, что сюда,

на окраину города, кто-то забредет с непременным желанием помахать железом?

– Всяко бывает, – сказал Мархес, потягивая пиво. – Я как-то раз со спущенными штанами отбивался одним ножом от стражника, который меня арестовать хотел.

Я фыркнула:

– За что, интересно.

– Так все на главной площади города было, днем, – объяснил он, ухмыляясь.

– Да, картина занятная, наверняка, – прокомментировал Тильман. Кабатчик принес широкий металлический поднос с кучей всякой снеди, опасно косясь на меня. Я взъерошила волосы и сонно посмотрела на него:

– Чего дергаешься?

– Да нет, ничего... миледи, – пробормотал он, суетливо расставляя тарелки.

– Вот и молодец. Сколько с нас?

– Я не хочу показаться простаком, но вы вчера оплатили постой на декаду вперед.

Судя по бегающим глазкам, скорее, на месяц, и кормить нас будут до отвала. Одобряю. К тому же, велика ли разница, потратить три золотых или десять за всю ораву? Взяли мы гораздо больше, и Сейтарр уже раздал нечестно заработанные деньги.

Вчера больше пили, так что голод ощущался зверский. И мы воздавали должное богам обжорства, пока в один пре-

красный момент в уютную таверну не вломила группа людей, закованных в толстые доспехи, отчего помещение сразу перестало быть уютным. А самые большие неудобства доставил тот момент, что они сразу направились к нам. Как будто искали.

– Не надо мне говорить «я же говорил», – прошипела я раскрывшему рот Линду и вскочила с лавки. Он привстал и взялся за кинжал, который у него всегда на предплечье. Строго говоря, из нас троих Мархес – единственный, который пришел сюда с оружием, способным поразить таких бронированных черепах. В бою он использует тонкое, шилообразное копьё на не слишком длинной ручке, которым можно найти уязвимости сочленений латного доспеха. За него матрос и взялся, становясь впереди, я спешно цепляла на пальцы невидимые узлы боевых заклинаний, запрещенных к применению в крупных городах.

Вместо того, чтоб атаковать, воины грохнули в пол алебардами (как дырку не пробили – ума не приложу), расступились и пропустили вперед упитанного глашатая, который с пафосным видом извлек откуда-то из воздуха свиток и начал читать:

– Получателю сего, Морской Ведьме Тави, нижайшая просьба до шестнадцатого часа сего дня, восемнадцатого числа Месяца Шерсти, прибыть в королевский дворец!

Свернул и ушел. А мы остались глазами хлопать, как законченные идиоты.

Глава 7. Заговор во спасение

– Эй, Граф, ты же вчера в синем был!

Граф деликатно наморщил нос и ответил:

– Действительно, был. Вот только вчера, после нашего безудержного пира рукав моей синей рубашки оказался безнадёжно порван. Скорее всего, ее придется заменить. Поэтому мне пришлось вернуться на «Храпящий» и переодеться.

Новая рубашка отличалась от старой только цветом ткани. Сегодня он красный. Все те же переливающиеся нити, воротник в форме языков пламени, кружевные манжеты, темно-красная бандана на голове. Мы – я и три моих офицера – направляемся в королевский дворец. И Тильман довеском, как важная боевая единица.

– Ишь, «нижайшая просьба»...

– А какого лысого они будут мне приказывать? Перетопчутся. Показывают уважение. И мы покажем. Вон, Сейтарр даже сапоги надел и штаны сменил.

– Ну, почему он штаны сменил – тот еще вопрос, ага, – задумчиво протянул Джад.

– Га-га-га!

– Хе-хе. Я, как это там, «нижайше прошу» – хоть перед королем меня не позорьте.

– Да черта с два! – взвился Сейтарр. – Еще неизвестно, что с нами там хотят сделать, может, вообще арестуют и в цепях отправят в Грайрув.

Я заметила:

– Поэтому мы идем туда при оружии. В крайнем случае, оставим тебя прикрывать тылы – ты кому угодно голову заморочишь своими сравнениями налогов Аргентау и Ургахада.

Джад фыркнул – он тоже не слишком любил заумные речи интенданта. Затем, покосившись на прохожих, шепнул:

– Тави, а, может, узнаем, где казна и начисто обнесем ее?

– Как ты себе представляешь процесс «обнесения»? Золота там раз в триста больше, чем может увезти корабль, даже специальный большой транспортник, а уж наша шхуна и давно. Где ты потом с украденным собираешься прятаться? И, не в последнюю очередь – где мы будем укрываться после того, как *каждое* государство во всем чертовом Кихча вывесит наши головы в розыск? – Сказано громким шепотом.

том, но горожане все равно огибают группу странных господ за милю. И так никто не услышит.

– Я согласен с капитаном, – подал басовитый, монотонный голос идущий сзади Линд. – Даже один сундук с золотом – не тот вес, который можно спокойно поднять и унести. А ты хочешь прямо обнести, да еще и начисто.

– Нормальное желание, – отбрехался Джад, сделав вид, что не очень-то и хотелось.

– Во дворце говорить буду я. Стойте и помалкивайте, потому что я вот ничего не понимаю. По крайней мере, сейчас. Если кто-то понимает, может поднять вверх руку.

Джад незамедлительно проделал нехитрый жест. Я повернула руку ладонью вверх, предлагая высказаться.

– Хотят тебя наградить за большущий вклад в торговое дело Рида.

– Старпом, иди к черту. Я просила хотя бы разумные варианты, за неимением других.

– Может, действительно ловушка?

– Тогда что им мешало схватить нас ночью, когда мы беспечно отсыпались? Не-е-ет, тут явно что-то нечисто. Может, хотят предложить кого-то ограбить?

– Разумно. Как минимум, сходится с нашими навыками, – хихикнул Сейтартр, почесывая редкую щетину.

– Тави, а ты хоть раз во дворце бывала?

– Один... и то, отца туда чуть ли не за шиворот затащили. А он решил, что нечего самому ходить, стоит и семье

посмотреть. Я тогда мелкая была, восемь лет. И красивая – маги постарались.

– Зато в императорском, – благоговейно произнес Джад, – а сейчас всего лишь королевский.

Я пнула подвернувшийся под сапог камешек, заставивший неловко оступиться, и зло ответила:

– Титулы, звания... что они нам? Будто императору кланяться надо на два вершка ниже, а при короле можно сесть, но не на стул, а на скамеечку, да и то – грубо отесанную. Как по мне, великие государи только и разнятся тем, хотят они видеть меня и мою команду в петле, или нет.

– Здесь Рид Ойлем явно предпочтительнее.

В отличие от разодетых в красно-золотые цвета стражников Телмьюна, местные просто носят поверх доспеха накидку, разлинованную в четыре клетки – две оранжевого цвета, две зеленого, по диагонали. Где-то слышала, что за неправильный порядок клеток воинов королевской гвардии штрафуют на порядочную сумму: зеленые должны идти от правого бедра до левого плеча. Двое таких, одинаковых с виду, в закрытых шлемах с пышными плюмажами, пропустили нас за ограду королевского дворца.

По сторонам – небольшие фонтанчики, звонкими каплями падающие в такие же резервуары. Кукольного размера, можно сказать. Возле каждого аккуратно примостилась резная скамья из белого мрамора, дорожки усыпаны мелким камнем того же цвета. На некоторых сидят важные господа

в богатой одежде, на одной художник пишет картину. Учитывая, что модели перед ним нет, думаю, приходящая очередного аристократа обогатится пейзажем «Вид на королевский двор».

Здрав нос, я гордо прошагала мимо них. Гравий жалобно похрустывал под сапогами преступницы, которую внезапно пригласили к королю.

Нам навстречу вышел слуга, который, пятясь, пригласил идти за ним. Пройдя через большой холл, он толкнул дверь слева, и мы зашли внутрь, очутившись лицом к лицу с огромнейшей толпой вооруженных бродяг.

Ну, как бродяг... просто они не слишком вписывались в дворцовую роскошь. Некоторые из них выглядели знакомо – с Улафом я дралась на дуэли, Беркли Киттеринг – во-жак умелой группы бандитов, которых он почему-то называет наемниками, еще один, не помню его имени, просто большой любитель плавать по морям и махать огромной секирой. Кстати, секира при нем. Зал довольно вместительный, и размахнуться ему будет легче легкого.

С другой стороны, у нас тоже не отобрали оружие. И вообще, не приняли никаких мер предосторожности, правда, попроси меня слуга сдать мечи, я бы его точно покалечила. Справедливо и насчет многих, собравшихся здесь – заняв свои места за столом, выточенным из огромного дуба, они держат в руках столовые ножи, кубки, но их клинки у пояса. Я молча наклонила голову в знак приветствия, и просле-

довала туда, где еще виднелось свободное место. За столом пробежал гул, перешептывания, но никто не попытался выскочить и ввязаться в драку.

Уже хорошо.

Глаза, не занятые моей персоной, а таких большинство, сейчас смотрели на небольшой балкончик, образованный двумя поднимающимися к нему лестницами, изогнувшимися, как две змеи. Бывают змеи в попоне? На лестницах еще два тонких ковра, которые окончательно утверждают в голове образ змеи в попоне. Уняв буйную фантазию, я взяла кубок, покрутила его в пальцах, поставила обратно. Рядом уселся Граф, вольно заложив ногу за ногу. На мой вопросительный взгляд только нагло ухмыльнулся:

– Давно я не был в таких местах, леди.

– И еще сто лет не бывала бы, веришь, – покачала я головой, вздохнув. – Смотрим дальше. Линд, внимли.

– Да? – бесстрастно спросил лучник.

– Если сейчас на балкон выбежит шут и начнет кривляться, сможешь его снять с первого выстрела?

– Думаю, смогу. Но там толстые перила, сложно будет просчитать движения.

– Отлично.

Джад обеспокоенно шепнул:

– Капитан, ты ведь не собираешься...

– Нет. Но помечтать могу? Я шучу, Линд.

– Понял.

Шут так и не появился. Вместо него вышел дородный господин в шелковой тоге, как будто только что из общественной бани и по-быстрому замотался в простыню. Не король. Потрет короля я видела – даже если учесть, что портретисты обычно приукрашивают важных господ, у типа в простыне вообще ничего общего с ним.

– Минуту внимания, уважаемые! – провозгласил он хорошо поставленным, размеренным голосом. Антрепренер какой, не иначе. – У нас чрезвычайная ситуация!

– Похоже на набор в армию, – вполголоса прокомментировал интендант. – Там тоже постоянно чрезвычайная ситуация, и нужны услуги всех желающих от мала до велика.

– Пропал король!

– Поищите под кроватью! – выкрикнул кто-то из людей Киттеринга. В зале снова поднялся гул, плохо одетый человек снова замахал руками:

– Господа! Будьте благоразумны! Речь идет о весьма опасном и непредсказуемом поступке – король уехал в Орогленн!

Сидящий рядом усатый наемник громко выругался, его сосед шумно вдохнул и на выдохе произнес:

– Не, к черту. Я сваливаю.

Одним пустым сиденьем стало больше. Даже не одним – напротив тоже прибавилось прорех в плотном ряду приглашенных. Я скучающе полировала коготь салфеткой. Орогленн – местечко негостеприимное, но не настолько жуткое, как рассказывают в городских байках. Дождавшись, пока го-

сти утихнут, мужчина продолжил речь:

– Поскольку мы уже потеряли надежду, из казны выделена беспрецедентная сумма – два миллиона золотом тому, кто отыщет короля и приведет его живым и невредимым, а также двадцать тысяч тому, кто сумеет привезти его тело, если вдруг благородный Фастольф почил смертью храбрых!

Я говорила что-то про шум в зале? То был штиль, по сравнению с бурей, разразившейся сейчас. Кто просто орет, кто выбегает через дверь, чтобы без промедления схватить короля и доставить на золотом блюде с яблоком во рту. Собственно, в зале осталось несколько тех, кого называют искателями приключений, пару групп наемников и двое угрюмых воинов с символами Ордена на броне. Искатели. Вот уж кто профессионал в деле поиска пропавших людей, вещей, сокровищ... а заодно и темных существ. Мы тоже пока что посидим – уж больно велик размер задачи. Так и до конца жизни искать можно, что понимают и другие оставшиеся.

Хотя бы тихо теперь.

Щекастый господин довольно кивнул и неожиданно легко сбежал по ступенькам. Остановился прямо между двумя столами, поблескивая шелковистой тканью своей накидки. Буэ, она еще и тошнотворно-розового цвета.

– Теперь поговорим о делах. Конечно, я не исключаю вариант, что сбежавшие парни найдут нашего любимого Фастольфа быстрее, но их подход заставляет задуматься и даже безглаголиво поморщиться.

Твоя простыня заставляет брезгливо поморщиться.

– Внесите карту!

– Один вопрос, сэр Бадли, – нарушил воцарившуюся тишину один из рыцарей-нистоборцев. Наверное, местное отделение Ордена. – Что здесь делает она?!

Ой, и в кого же сейчас невежливо ткнули пальцем? Обвиняюще даже.

– Сэр Кноббл, я вынужден отметить, что из-за амбиций многих дворян Рид Ойлем находится на пороге гражданской войны. В очередной раз. Король отсутствует уже шесть с половиной месяцев, если через год он не вернется, начнется дележ трона. И малой кровью все не обойдется, уж вы-то должны помнить нашу историю.

Рыцарь снял шлем и обнажил седую, коротко стриженную голову с небольшой клиновидной бородкой. Его хищные глаза пытались прожечь во мне дыру.

– Насколько я слышал, пираты хороши исключительно в деле убийства людей. Но никак не в возвращении.

Я решила, что молчание – не лучшее оружие.

– Сэр... Кноббл, кажется? Я готова ответить на любые ваши обвинения за стенами прекрасного королевского зала, где нас имеют честь принимать. Но, если вы будете дальше мешать своему высокородному знакомому говорить по сути, мне придется доказать, что некоторые из них справедливы.

Рыцарь только покраснел, но смолчал. Отличная выдержка, надо сказать. Бадли посмотрел на меня с непонятным

выражением лица, но продолжил:

– Подобная ситуация вынуждает нас, верноподданных короля Фастольфа Первого, приложить все усилия и принять любую помощь для того, чтобы найти его как можно скорее. Даже если это заставит нас изрядно надкусить казну. Деньги уже выделены, двадцать сундуков – если хотите, можете сами взглянуть. Достоверно известно, что экспедиция из одного корабля проследовала вдоль берега... сейчас покажу, – пробормотал он, разворачивая карту мира, – вот здесь. В бухту Палец Ведьмы они не заходили, проплыли, минуя Мескер, и углубились в леса Орогленна примерно вот здесь.

Палец, на котором красовалось целых два золотых перстня, ткнул в береговую линию.

– В двухстах милях от границы с Маркевией, – отметил незнакомый мне наемник.

– Верно. Капитан судна тщетно ждал в условленной точке почти месяц, но король так и не вернулся. Мы посылали спасательный отряд из отборных гвардейцев, но они сгинули вместе с кораблем, – со вздохом сообщил Брамбли.

– Сколько людей было с ним? Желательно уточнить состав экспедиции, – заметил рыцарь, так и не снявший шлем. Я поддержала:

– И на кой ему вообще понадобились тамошние леса?

Брамбли с досадой покачал головой:

– Сложно представить, но наш добрый король прослышал...

– ...о неземной красоте девушки из дикой глуши? – помогла я, ухмыляясь.

– Да, а как вы догадались? – удивленно спросил он.

– Мне просто в детстве родители хорошие сказки читали. Сэр Кноббл, хватит морщиться, конечно же, мои родители были демонами из мира, темного, как сама ночь. Но там тоже любят сказки, честно-честно. Простите, если в чем-то обманула ваши ожидания.

Он только сердито засопел.

– Так вот, собрал авантюристов и ушел с ними в плавание. Взял с собой также отряд сильных воинов из личной стражи, но, судя по всему, защитить Фастольфа они не смогли.

– Тави, два миллиона. Ага? – некстати шепнул Джад. Я шикнула на него:

– Заткнись.

И, обращаясь уже к Бродли:

– Нужно поговорить с глазу на глаз.

Тот беспомощно оглянулся на остальных – никто не выражал подобных желаний, явно столь близкого разговора, тем более, со мной, придворный не планировал. Видя его замешательство, я прибавила:

– Мои люди останутся здесь.

– Как будто менее страшно, – хохотнул Граф, поедая кусок мяса, усыпанного крошкой специй зеленого цвета.

– Говорите здесь, леди. Я не хотел бы давать каких-то преимуществ одним, кхм... наемникам, в ущерб другим.

– Во-первых, мне нужна какая-то личная вещь Фастольфа Первого. Лучше всего – одежда, которую недавно надевали. Зачем – мое дело, но это позволит значительно продвинуться в деле о пропавшем короле. Второе – нам нужны деньги на подготовку. Расценивайте, как задаток. Тысяч пять. Если вы никого не хотите ущемлять – выдайте и другим тоже, но обсуждать не буду.

– Простите, а какое право вы имеете ставить нам условия?! – возмущенно среагировал Бадли, сцепив пальцы-сардельки на груди. Встав со стула, надо признать, довольно неудобного и жесткого, я оперлась обеими руками на стол и жестко произнесла:

– Например, потому, что у нас самый быстроходный корабль в обоих океанах? Не знаю насчет боевой мощи экипажа, но там, где благородные рыцари будут удручены необходимостью падать мордой в грязь, я пройду все и достану вашего любимого правителя из самого пекла. Конечно, если будут выполнены мои условия. Иначе говорить не о чем.

Некоторое время мы фехтовали взглядами на высшем уровне мастерства, разумеется, молча, затем толстяк опустил голову и глухо произнес:

– Дайте им денег. И принесите камзол Его Величества, тот, что восьмого дня.

Камзол новенький, блистающий великолепием сложных сочетаний разных тканей. Думаю, кроме цвета единствен-

ное, что их объединяет – цена.

Остальные еще о чем-то спорили, а мы, получив деньги, покинули дворец.

– Капитан?

– Что? – обернулась я к Сейтарру.

– Мы не слишком... как бы это сказать... поторопились с решением? Он может быть где угодно, то, что мы знаем место высадки, которое потеряло актуальность шесть месяцев назад, еще ничего не значит...

– Спокойно. Как раз это я и намерена выяснить. Кроме того, я вытащила из главного королевского жмота целых пять тысяч, и даже убедила его, что они пойдут на благие цели.

– А на самом деле?

– Пойдут на благие цели, – усмехнулась я, пощупав приятно перекатывающиеся тяжелые монеты в мешке, который нес Линд, – пропьем, прогуляем... парни, не поймите превратно, но я хочу попытаться найти чудака, сбежавшего в поисках любви. С королевского трона – прямо в глухие леса. Суть в том, что за него, даже мертвого, все равно дают денег, причем прилично дают.

– Занимательно, но окупится ли? – усомнился Сейтарр, почесывая стремительно лысеющую голову с пучками коротких волос то тут, то там. И снова жует стебель чего-то растительного. А если травку животная какая метила? Судя по всему, интенданта не слишком заботят подобные вопросы.

– Предположим, что мы, после скитаний и мытарств, все же нашли Фастольфа. Живого. Сколько мы привозим за один рейд?

– Тысяч пять, в среднем.

– Значит, мы должны четыреста раз выйти в море, чтобы поднять то, что нам предлагают сейчас за один выход?

– Тави, ну, это же принцип – не работать. А сейчас ты, как не крути, нас сделала наемниками. Ага? – осклабился старпом.

– Ага, – передразнила я его, убирая с глаза непослушные волосы, – не работать, не подчиняться законам, вещи не покупать, а лишь воровать... отдает надменностью, не находишь? Причем такой надменностью, которую могут себе позволить только бродяги, и то, потому, что у них ничего нет. Сам-то до того, как мы угнали шхуну, что делал? Ходил по контракту в море.

– Уже и не пошутить...

– Да, черт бы тебя побрал! Нам предлагают огромные деньги. Нам даже показали их, чтоб недоверчивые могли убедиться – казна не пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.